

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ОПЕРАЦИЯ "ЯРОСТНЫЙ ПОЛДЕНЬ"

Врата войны - 6

Врата войны

Александр Михайловский
Операция «Яростный полдень»

«Александр Михайловский и Юлия Маркова»

2021

Михайловский А. Б.

Операция «Яростный полдень» / А. Б. Михайловский —
«Александр Михайловский и Юлия Маркова», 2021 — (Врата
войны)

Почти изгнав врага с советской земли (на севере под контролем оккупантов остается только часть Прибалтики и половина Белоруссии) Ставка Верховного Главнокомандования приступает к операции по вторжению на Балканы. Все начинается комбинированным ударом, включающим лобовой прорыв фронта по Пруту и стратегический десант в Болгарию, с одновременным обращением этой страны на сторону второй антигитлеровской коалиции. Как и в предыдущие исторические моменты, на острие ударов – части российского экспедиционного корпуса. Гусеницы танков из двадцать первого века попирают румынскую землю, и нет силы, способной остановить их натиск. Производя одну ротацию личного состава за другой, российское командование стремится максимально увеличить количество офицеров и контрактников, имеющих реальный боевой опыт. Шок и испуг от такой прыти охватывают как близлежащие страны, так и далекую Великобританию. Русские идут – они уже на Балканах, и вообще неизвестно, где остановится этот стальной российско-большевистский потоп, стремящийся, как и во времена Чингисхана, к Последнему морю. Но все же ключевые события должны свершиться не на полях сражений Великой Отечественной Войны, а в двадцать первом веке, на востоке Европы. После того как свершится все предначертанное, мир необратимо изменится и уже никогда не будет прежним.

© Михайловский А. Б., 2021

© Александр Михайловский и Юлия
Маркова, 2021

Содержание

Часть 21. Прорыв на Балканы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Михайловский и Юлия Маркова

Операция «Яростный полдень»

Врата Войны том 6-й

Часть 21. Прорыв на Балканы

1 июня 1942 года, 05:05. Варна, Дворец Евксиноград, рабочий кабинет царя Бориса Третьего.

Едва первые проблески рассвета окрасили небо над морем в розовые тона, как на этом фоне у самого горизонта обозначились многочисленные черные точки. Царь Борис распахнул окно и поднял к глазам бинокль. Прямо к берегу, разбрасывая белые волны пены, мчалось несколько десятков торпедных катеров – и между них как шершни среди мух выделялись два корабля на воздушной подушке, подобных тому, на котором посланец русских из будущего господин Иванов наносил визиты в Евксиноград.

Как царя Бориса и предупреждали несколько дней назад, вторжение русских армий в Болгарию началось. С этого момента он не хозяин в собственном доме – вплоть до того, что ему не позволят передать свой титул сыну. Мол, конституционная монархия сохранится в Болгарии только в связи с большими заслугами перед Антигитлеровской коалицией лично его, царя, и никого более. Править его страной будет теперь Отечественный фронт: союз коммунистов с левыми и центристскими партиями помельче – и в конечном итоге та превратится в еще одно государство, ассоциированное в состав Советского Союза. И это также оговорено заранее – вместе с условием, что советизация будет до предела мягкой. Но это все равно будет советизация...

Хотя, с другой стороны, отныне Болгария официально становится членом второй антигитлеровской коалиции, после чего и речи уже быть не может ни о каком турецком нападении. Немногочисленные болгарские солдаты и офицеры, что сидят в полевых укреплениях по линии турецкой границы, теперь могут выдохнуть: все интриги Черчилля пропали втуне. Красная Армия, которая вот-вот вступит на территорию его страны, уже оправилась от прошлогодних поражений – и теперь сильна как никогда, а за ее спиной вырисовываются контуры силы, имеющей совсем уже беспредельное могущество. Эта сила не ищет тут себе удела, но тем не менее от ее воли зависит жизнь и смерть этого мира. С теми, кто действует в соответствии с ее волей, она поступает мягко, позволяя жить и даже процветать, однако вздумавших ей противостоять вобьет в землю по самые брови. И президент Иненю об этом знает, и, более того, об этом знают его генералы. Турция – не Германия, и если немецкие солдаты дрались с русской армией из будущего даже испытывая иррациональный страх перед ней, то турецкие аскеры так не сумеют. Недаром господин Иванов сказал, что в случае нападения на Болгарию, союзную второй антигитлеровской коалиции, под вопросом окажется сама турецкая государственность.

На негнущихся ногах царь подошел к рабочему столу и снял трубку телефона.

– Барышня, дайте Софию, номер 2-12-36¹, – сказал он и, дождавшись негромкого «Алло», произнесенного знакомым голосом, проговорил кодовую фразу: – День, о котором мы с вами говорили, настал. Гости прибыли, свадьба состоится в любую погоду. Будьте добры, обеспечьте оркестр, как мы и договаривались.

¹ На 1942 год в Софии имелась телефонная станция на восемь тысяч номеров с ручным переключением номеров посредством барышень-телефонисток, а также декадно-шаговая АТС Сименс-Гальске на две тысячи номеров. Переключение междугородних линий производилось вручную.

– Будет сделано, – ответила телефонная трубка, вслед за чем раздались короткие гудки.

Дело было сделано. И даже если телефон царя прослушивается гестапо или жандармерией, то времени на реагирование у них почти не остается. Как способов. Еще вчера в Евксиноград прибыла боевая группа прокоммунистических повстанцев. Их командир, суровый и немногословный, представившийся царю товарищем Стояновым, напомнил Борису Третьему героев давно минувших дней – четников ВМОРО, боровшихся против турецкой оккупации болгарских земель. Царь думал, что таких людей больше не делают, а они оказались там, в компании тех, кто боролся против его власти. И точно так же, как у четников старых времен, среди болгарских коммунистов имелись люди, желающие всего и сразу, а также те, что были готовы к компромиссам.

У царя Бориса, конечно, имелась личная охрана, но боевого опыта у сотрудников не было. Откуда ему взяться, если Болгария ни с кем не воевала уже двадцать лет. И вооружение охраны составляли винтовки Маузера и пистолеты; единственный пулемет МГ на всю команду погоды не делал. Сунься к Евксинограду немцы при поддержке пары «двоек» или одного штурмгешютца – и дела царя Бориса были бы плохи, не говоря уже о налете авиации. Девятка «штук» могла бы расковырять дворец без особого риска, и единственный пулемет не помешал бы этому.

Коминтерновские боевики, хоть и одетые в штатское, оказались людьми вымуштрованными, бывалыми, и к тому же хорошо вооруженными. Почти половина из них в составе интербригад участвовали в гражданской войне в Испании, другие успели повоевать в рядах Красной Армии на Южном фронте и при обороне Одессы. Да и вооружен их отряд был, можно сказать, по запортальным стандартам: автоматы АК-47, пулеметы МГ, реактивные противотанковые гранатометы, а также несколько ПЗРК первых серий. Против них те же немцы с «двойками» или «штурмгешютцем» выглядели совершенно несерьезно: сначала железные коробки превратятся в бензиновые костры, а потом умрет и пехотное прикрытие. Тут даже шальной «юнкерс», пролетающий над резиденцией, не почувствует себя в безопасности. Поднимет боец на плечо предмет, напоминающий трубу – и все, отлетелся очередной птенчик Геринга.

Но все обошлось. Возможно, немцы, что находились на территории Болгарии, не подозревали о существовании заговора, либо же не верили в его осуществимость – и по этой причине оказались застигнуты врасплох. В пять утра, спешно разбуженные, чины гестапо и абвера уже фатально не успевали за ситуацией. Для деятелей из «Звена», взявших на себя военную часть операции, это был уже третий-четвертый переворот в их истории – так что там, в столице, все шло как в хорошо отрепетированном спектакле. Подлежащих интернированию деятелей свергаемого правительства будили, давали кое-как одеться и на черных машинах свозили в тюрьму. Верные заговорщикам болгарские солдаты окружили германское, румынское и итальянское посольства, а учреждения, не обладающие дипломатическим иммунитетом, брали штурмом без всяких церемоний.

Царь Борис знал, что после получения его сигнала Дамян Велчев – сухой, подтянутый, в выглаженном до хруста мундире – явился в советское постпредство и от имени временного болгарского правительства зачитал перед посланником СССР Александром Андреевичем Лаврищевым ноту о выходе Болгарии из Берлинского пакта и присоединении ее ко Второй Антигитлеровской Коалиции. В германское посольство, представляющему Германию функционеру СА² по имени Адольф Беккерле, аналогичный документ планировалось доставить курьером. Для этого мелкого политического персонажа сойдет и так.

² После того как в январе 1941 года, перед началом нападения на СССР, Гитлер выразил недовольство работой немецких дипломатов в странах Юго-Восточной Европы, министр иностранных дел фон Риббентроп отправил в отставку кадровых дипломатов, работавших послами в Словакии, Румынии и Болгарии, назначив вместо них функционеров СА Ханса Людина, Манфреда фон Киллингера и Адольфа Беккерле.

Одновременно с этими событиями сторонники изменения политической ориентации Болгарии должны были взять под свой контроль Софийский аэропорт – и царь, высунув голову из окна, мог наблюдать, как севернее его резиденции с востока на запад под прикрытием истребителей высоко в небе пролетает подсвеченная восходящим солнцем большая группа военнотранспортных самолетов. Гул их моторов едва долетает до земли с огромной высоты. Через час двадцать минут они будут уже в Софии, а ему, царю, пора нахлобучивать на голову шляпу и, как это уже было, выходить встречать дорогих гостей.

Четверть часа спустя, смотровая площадка на берегу.

Пока Борис спускался по лестнице и шел через сад к морю, вокруг стремительно светало. На смотровой площадке, поживаясь от утреннего холодка, стояли товарищ Стоянов и начальник царской охраны подполковник Иван Радев. Корабли были уже близко. Быстроходные катера, двигаясь плотной группой вдоль берега, нацеливались на порт Варны, и только два больших СВП под вполне различимыми Андреевскими флагами направлялись непосредственно к Евксинограду. А где-то далеко в море призрачными синеватыми тенями уже вырисовывались силуэты больших морских пароходов, до самых верхних палуб загруженных советскими войсками.

– Ну вот и все, – сказал товарищ Стоянов, – дождались. Еще немного – и Болгария будет свободна...

– Болгария и так свободна, – возразил царь Борис, – только, быть может, как и в прошлый раз, она ввязалась в войну на неправильной стороне...

– Вы наивный человек, хоть и царь, – пожал плечами товарищ Стоянов, – ваш премьер господин Филов фактически отдал Болгарию в рабство Гитлеру, невзирая на то, что сердца болгар лежат в другой стороне. То, что мы сейчас имеем – это завуалированная оккупация, прикрытая фиговым листком мнимого союзничества, а на самом деле немцы делают в Болгарии все что хотят.

– Так и есть, Ваше Величество, – негромко сказал начальник охраны, – если бы не это обстоятельство, то я ни минуты не остался бы возле вашей особы после того, как вы стали якшаться с красными. Мы, преданные вам люди, не очень-то любим коммунистов, но в то же время никогда не будем воевать против русских.

– Коммунисты коммунистам рознь, – сказал товарищ Стоянов, перекивая шум двигателей и свист пропеллеров приближающегося земноводного корабля, – и у нас тоже есть такие товарищи, которые нам совсем не друзья.

«О чем мы говорим? – подумал царь. – Сейчас с моего собственного благословения для Болгарии целиком рушится вся старая жизнь, а мы тут обсуждаем всякую суету. Туда, где сейчас в России расположены Врата, в наш мир словно бы упал большой камень, и от него во все стороны стали расходиться круги. И где они прошли, там все необратимо меняется: белое становится черным, плохое – хорошим, вчерашние враги мирятся, а бывшие союзники вцепляются друг другу в плотку... Прежде я смотрел на события со стороны, думая, что смогу пройти через все это и не измениться, но теперь я в этом уже не столь уверен...»

И как раз в тот момент, когда СВП по очереди вышли своими мягкими носами на песок пляжей и опустили десантные аппарели, из-за горизонта брызнули первые лучи восходящего солнца.

Впрочем, вид господина Иванова, спускающегося с корабля на берег в сопровождении одного большевистского генерала, адъютантов и охраны, снова приободрил Бориса Третьего – так что он и забыл о своих прежних панических мыслях. Этому человеку болгарский царь верит – точнее, доверяет. Имеется у пришельцев из будущего репутация людей, не бросающих своих слов на ветер – и если этот человек здесь, значит, все договоренности с большевистским вождем в силе.

Поздоровавшись с присутствующими, господин Иванов, со своей фирменной мефистофельской улыбочкой сказал:

– Первым делом должен передать вам привет от вашего дражайшего итальянского родственника. Умберто Савойский чувствует себя хорошо, спит крепко и кушает с аппетитом, чего желает и всем прочим. А вам лично сообщаю, что советское правительство удовлетворило вашу просьбу о вхождении Болгарии во Вторую Антигитлеровскую коалицию. Добро пожаловать в клуб победителей, товарищи и некоторые господа.

– Господин Иванов, а вы уверены, что победите? – спросил начальник царской охраны.

– Так же точно, как и в том, что после ночи всегда бывает рассвет, господин Радев, даже если эта ночь полярная, – ответил тот. – Мы не можем не победить, потому что наши солдаты сражаются за то, чтобы у всех народов было право на счастливую жизнь, тогда как гитлеровские отморожки пошли на нас войной рады обширных поместий с послушными рабами. Но ничего, кроме могил с большими березовыми крестами, у нас им не полагается.

Неугомонный подполковник воскликнул:

– Неужели вы хотите сказать, что ваше оружие из будущего не сыграло никакой роли в тех победах, которые Красная Армия одержала над непревзойденным до той поры германским вермахтом?

– Конечно, техника и вооружение сыграли свою роль, – пожал плечами посланец русских из будущего, – с этим я спорить не буду. Но плохому солдату – например, французскому, который не хочет воевать – какое оружие в руки ни дай, он все равно его поломает или потеряет, а в итоге проиграет все сражения и войну в целом. А наши, как говорил Суворов, чудо-богатыри, при наличии хорошего оружия и проверенных командиров способны свернуть горы и полностью перекроить политическую карту Европы. Но на этом давайте прекратим наш импровизированный приветственный митинг и приступим к насущным вопросам. Борис Фердинандович, позвольте представить вам командующего Балканским фронтом генерал-полковника Константина Константиновича Рокоссовского. С момента вашего вступления во вторую антигитлеровскую коалицию болгарская армия также попадает в его подчинение.

Болгарский царь посмотрел по сторонам и оценил количество до зубов вооруженных солдат, высадившихся на берег из земноводных машин – сейчас они, разбившись на группы, занимали оборону по периметру его резиденции. Даже неискушенный в военном деле человек способен признать в этих вышколенных и футуристически экипированных бойцах настоящих «марсиан» – таинственных и непостижимых уроженцев двадцать первого века, а не наспех подтянутых до их уровня бойцов РККА. Если отряд товарища Стоянова был серьезным подкреплением к его охране, то подразделение, прибывшее с господином Ивановым, одним своим присутствием полностью устранило любые угрозы средней тяжести.

– Мне очень приятно, что к нам прислали столь молодого и в то же время прославленного генерала Красной Армии, – сказал Борис Третий. – Впрочем, я думаю, что разговаривать о делах, стоя под открытым небом, было бы неприлично, а потому прошу всех пройти в дом. В моем рабочем кабинете беседовать о делах будет гораздо удобнее.

Некоторое время спустя, снова рабочий кабинет царя Бориса Третьего.

Когда все приглашенные из числа большого начальства вошли в кабинет царя Бориса, в кармане у Сергея Иванова вдруг что-то тоненько запищало, будто там просится на волю попавшая в капкан мышь. Посланец русских из будущего вытащил из кармана прибор, внешне похожий на тонкий эбонитовый портсигар для сигарилл с мундштуком, прочел на его экране сообщение и, удовлетворенно хмыкнув, сказал:

– Должен вам сообщить, что в Софии все прошло наилучшим образом. Господа офицеры из «Звена» оказались на высоте, и наши товарищи-коммунисты тоже не подвели. С этого момента господин Кимон Гергиев – премьер-министр, господин Дамян Велчев – военный

министр, товарищ Димитров – министр иностранных дел, а товарищ Тодор Живков, – Сергей Иванов чему-то усмехнулся, – министр внутренних дел. Ноты о выходе Болгарии из Берлинского пакта и объявлении войны Германии, Румынии, Италии и Венгрии законным адресатам уже отправлены, и к полудню с их стороны надо ожидать знатной истерики...

Болгарский царь знал, что у немцев в Греции оказались запертой часть 12-й армии (восемь дивизий) под общим командованием военного преступника и генерала инженерных войск Вальтера Кунце. Другая часть этой армии, 18-й горнопехотный корпус (три дивизии) выполнял оккупационные и антипартизанские функции в Сербии. Переход Болгарии на сторону второй антигитлеровской коалиции разрезал этого нацистского червяка напополам как острый заступ садовника, ибо все связывающие их коммуникации проходят через болгарскую Македонию. И теперь эти войска, привыкшие в ожидании английских десантов расстреливать мирных жителей да бороться с храбрыми, но плохо вооруженными и неорганизованными партизанами, будут иметь дело с солдатами, которые совсем недавно наголову разгромили группу армий «Юг» и теперь жаждут новой германской крови и новых побед. При этом, как показали события на юге Украины, размещенные там же оккупационные итальянские войска в этом деле немцам не помощники. Разбегутся по кустам при первых же выстрелах, только их и видели.

Сделав небольшую паузу, товарищ Иванов продолжил:

– Но положение немецких войск в Греции еще не столь тяжелое. Непосредственно сейчас им ничего не угрожает, а морские коммуникации с союзной Гитлеру Италией сохраняют для греческой группировки вермахта транспортную связность с Рейхом. Зато Румыния, армия которой по стойкости значительно уступает германской, должна почувствовать себя как курица, предназначенная к запеканию в духовке, ведь одновременно с высадкой в Болгарии Красная Армия начала наступление на Восточном фронте. Там, на рубеже реки Прут Антонеску собрал последние боеспособные румынские соединения, а на болгарской границе, проходящей по Дунаю, их и вовсе, пожалуй, нет. А ведь от болгарского города Русе на правом берегу Дуная до центра Бухареста – по дорогам не более семидесяти километров. Вот где сейчас должны бегать, кричать, рвать волосы на попе и хвататься за голову... – Он усмехнулся. – Впрочем, у немцев в Греции (в пригороде Афин Кифисья), помимо сухопутных частей, расположен десятый авиакорпус люфтваффе, реакция которого на события в Болгарии может быть незамедлительной и весьма радикальной.

Царь Борис озабоченно произнес:

– Надеюсь, вы, господин Иванов, примете все возможные меры для того, чтобы в результате этой истерики немцы не разбомбили вдребезги Софию или какой-нибудь еще болгарский город...

Посланец русских из будущего сразу стал серьезен до невозможности.

– Не беспокойтесь, – сказал он, – советская истребительная авиация уже начала перелетать на болгарские аэродромы, контролируемые нового правительства. Выделенных на эту операцию воздушных сил вполне достаточно и для прикрытия с воздуха болгарской территории, и для поддержки наступательных действий Красной Армии. Некоторое время назад нам удалось приспособить некоторые образцы вооружения двадцать первого века к использованию советскими истребителями (Игла-С). Там, у нас, это устаревший образец, сходящий со сцены, а тут – ужасающее оружие возмездия, от которого нет спасения. Так что немецких летчиков, если они рискнут сунуться к болгарским городам, ждет большой и крайне неприятный сюрприз.

– Ну раз так, значит, нам не о чем волноваться, – облегченно вздохнул болгарский монарх. – Единственное, что мы хотели бы знать: где и как вы планируете использовать болгарскую армию?

Сергей Иванов обменялся несколькими словами на русском языке с генералом Рокоссовским, а потом сказал:

– Ни на Греческом, ни на Белградском направлениях ваших солдат использовать нежелательно. С учетом вашей предыдущей истории для местного населения они будут как красная тряпка для быка. Наворотил там ваш ПаПа такого, что и с разбегу не перепрыгнешь. Остается Румыния, где на чувства местного населения нам наплевать, а также Фракийско-Константинопольское направление, с которым мы тоже, дай Бог, разберемся. Турция на вас теперь нападет едва ли, а вот мы на Турцию – вполне может быть...

Тогда же, окрестности Афин, авиабаза Кифисья, пункт базирования бомбардировочной эскадры люфтваффе KG-3.

Говоря о том, что самым сильным оружием против германских бомбардировщиков десятого авиакорпуса люфтваффе, базирующегося в Греции, являются самонаводящиеся ракеты «Игла-С», Сергей Иванов добросовестно заблуждался, потому что его самого не поставили в известность о плане операции «Гелиос», задуманной исходя из принципа «береженого Бог бережет». Чтобы базирующиеся на Афины бомбардировщики «юнкерс-88А» не смогли помешать блестяще задуманной десантной операции, эту фишку решили попросту снять с доски.

Шесть бомбардировщиков Ту-22МЗ, взяв на борт предельный бомбовый груз, после плотного завтрака и подробного инструктажа вылетели с авиабазы Кратово и через два часа двадцать минут уже были над целью, последовательно накрыв злосчастную Кифисью тремя бомбовыми коврами. Когда все закончилось, эскадра KG-3 прекратила свое существование: самолеты превратились в неремонтопригодный хлам, летчиков и технических специалистов поубивало или тяжело ранило, а сам аэродром стал временно непригоден к использованию, потому что отныне нуждался в капитальном ямочном ремонте (засыпке и трамбовке воронок).

На обратном пути, построившиеся пеленгом, бомбардировщики ВКС пройдут над Анкарой на предельно малых высотах, чтобы показать Иненю и его генералам, насколько те смертны. Возможно, что таким образом вопрос Проливов удастся решить без войны. А если не удастся, то виновны в этом будут только турецкие упрямы.

1 июня 1942 года. 11:05. Турция. Анкара. Площадь Кызылай. Дворец президента Турции «Чанкая».

Президент Турецкой республики Исмет Иненю, урожденный Мустафа Исмет-паша.

Утро у турецкого президента вышло знатным. Едва солнце оторвалось от горизонта, чтобы своим светом позолотить окрестности турецкой столицы, и правоверные, закончившие читать утренний намаз, в многочисленных мечетях приготовились внимать проповедям мулл и имамов, как в небесах раздался оглушительный гром, будто из Джаханнама³ разом вырвалась тысяча бешеных иблисов. Горожане, молившиеся под открытым небом, задрали головы, а те, что находились под крышей, выбежали из мечетей и домов. И даже высокоученые имамы, стараясь сохранять степенный вид, вышли следом за своими прихожанами – только для того, чтобы услышать от очевидцев, что никакие это были не иблисы, а здоровенные белоснежные стреловидные аэропланы урусов из иного мира, которые таким образом решили напомнить правоверным о своем существовании... Как хочешь, так и понимай это послание.

Президент тоже не удержался и, торопливо напялив кавуши, выскочил на шум – и услышал от obsługi и охраны дворца рассказ о пролете над городом на малой высоте нескольких огромных стреловидных аппаратов, белоснежные плоскости крыльев и хвостовые оперения которых украшали большие красные звезды. На Анкару не упала ни одна бомба, но чувство у турецкого президента было нехорошее. Очередь многогрешного турецкого государства шагать вслед за Германией в ад еще не пришла, но этот момент явно был не за горами.

³ Джаханнам – мусульманский ад, расположенный на небесах, как и рай.

Долго ломать голову над вопросом, что бы это значило, Исмету Иненю не пришлось. Всего час спустя из турецкого посольства в Софии пришла телеграмма о том, что в Болгарии произошел правительственный переворот. Правительство фашиста Богдана Филова в тюрьме, Болгария вышла из Берлинского пакта и объявила войну Германии, германское посольство оцеплено, а представительства гестапо и абвера захвачены после короткого штурма. А причина такой неожиданной храбрости балканского карлика – высадившиеся на черноморском побережье советские войска: не встречая сопротивления, они продвигаются внутрь страны. Чуть позже свою телеграмму прислал турецкий консул в Афинах, где русские из будущего, не моргнув и глазом, вдребезги разнесли военный аэродром в пригороде Афин Кифисья. Большой столб густого черного дыма, вздымающийся в безоблачное утреннее небо, можно было наблюдать за десятки километров...

Прочитав эти телеграммы, Иненю понял, что, взяв Болгарию под защиту, русские из будущего погрозили Турции пальчиком. Мол, только попробуйте тронуть нашего болгарского мальчика – и тогда узнаете, как страшен в гневе русский Иван.

И в связи с этими событиями во дворец «Чанкая» вскоре приехали министр иностранных дел Нуман Мемениоглы и начальник генерального штаба фельдмаршал Февзи Чакмак. Этим двоих и приглашать даже не потребовалось, ибо пролет русских бомбардировщиков видел весь город. При этом если у министра иностранных дел имелись копии телеграмм из Софии и Афин, то начальник генерального штаба временно пребывал в неведении относительно истинной подоплеку событий.

– Итак, господин президент, началось, – сказал Нуман Мемениоглы; в голосе его звучало неприкрытое волнение. – Русские войска в большом количестве высадились в Болгарии, а в Софии с благословения царя Бориса произошел военный переворот. Такие спектакли в этой стране за последние двадцать лет мы наблюдали неоднократно. Я уже и со счета сбился, сколько с момента абдикиции царя Фердинанда в Софии случилось военных переворотов: четыре или пять. Разница только в том, что прежде там ничего не двигалось в сторону красных, а теперь монархисты неожиданно вспыхнули жгучей любовью к коммунистам и слились с ними в нерушимом союзе.

Февзи Чакмак, хмурясь, проворчал:

– Воспылаешь тут любовью, когда тебе делает предложение сила, как куренку свернувшая шею Германскому Рейху господина Гитлера. Готов поклясться, что в этом деле не обошлось без русских из будущего.

– Согласен с вами, – сказал министр иностранных дел, – Финляндию они загнали в советские объятия пинками тяжелых ботинок, а Болгарию заманили сладкоголосым пением сирен. Теперь вопрос только в том, когда туда же, в общее стойло, начнут загонять нас, и какими методами они это будут делать. Ведь Турция – не Болгария, и никаких родственных сентиментальных чувств по отношению к турецкому народу русские из будущего не испытывают. И даже, более того, президент, правящий в Турции в начале двадцать первого века, настроен на возрождение былого могущества Османской империи и считается у русских из будущего чуть ли не главным возмутителем спокойствия. Поэтому они могут пожелать решить турецкую проблему, прежде чем она всерьез станет досажать государству господина Сталина.

На некоторое время наступила тишина. Слова были сказаны, проблема обрисована, и от собравшихся в этой комнате людей требовался однозначный и четкий ответ.

– В настоящий момент, думаю, нам ничего не грозит, – сказал фельдмаршал Февзи Чакмак. – В первую очередь русская операция нацелена на овладение Балканами. Первой жертвой этого этапа войны станет Румыния и лично кондукатор Антонеску. Армия этого деятеля и так потерпела недавно тяжелое поражение, а совместная русско-болгарская операция поставила ее в безвыходное положение в два огня. Если я не ошибся, то существовать румынскому государству осталось несколько дней. Дальше русские будут развивать наступление на север,

в Венгрию и Сербию, а также на юг, в направлении Афин. Турецкая республика при этом не является для них предметом первой необходимости.

– Нет, является, – решительно возразил президент Иненю, – и я удивляюсь вашему благодущию, Чакмак-паша. Мы с вами оба военные люди – и прекрасно понимаем, что операции в Греции и далее в Италии потребуют от русских поддержки Черноморского флота, а это значит, что перед господином Сталиным встает задача овладения Босфором и Дарданеллами, к которым его государство стремится уже две с половиной сотни лет. Господин Меменчиоглы прав: между нашими странами нет ничего, кроме пролитой за эти века крови, поэтому решение турецкой проблемы будет простым, прямым и жестоким. Полмиллиона солдат, которых вы собрали во Фракии, не продержатся против совместной советско-болгарской группировки и нескольких дней. Нами займутся сразу, как только рухнет Румыния и генералы Сталина получат возможность переместить свои резервы на нашу границу сухопутным путем, а не по морю. Возможно, последний шанс предотвратить большевистское вторжение – это обратиться к Великобритании с предложением военного союза. И делать это надо именно сейчас, потому что, когда во Фракии разгорятся бои, взывать о помощи будет поздно.

Министр иностранных дел тихо произнес:

– Если даже прямо сейчас мы заключим военный союз с Великобританией, это не оставит господина Сталина, а, напротив, еще больше раззадорит. Мы все помним, сколько нот протеста издал британский Форин Офис по поводу ликвидации финской государственности, но никакой реакции, кроме ответа «это не ваше дело», господин Черчилль и его присные из Москвы не дождались. Что касается русских из будущего, то они вовсе не замечают вечных британских интересов, относясь к бывшей владычице морей с оскорбительным пренебрежением.

Фельдмаршал Февзи Чакмак добавил:

– К тому же я не верю, что Черчилль ради нас с вами вступит в прямое военное столкновение с самой могущественной военной силой в этом мире. Вся его помощь, скорее всего, ограничится выражением сочувствия и поставками нам разного рода третьесортной военной техники, пригодной только против разных дикарей. Рассчитывать на большее глупо.

Нуман Меменчиоглы неожиданно сказал:

– Я тут подумал, а почему мы непременно должны выбирать между Германией и Великобританией? Основатель нашего государства Великий Ататюрк, когда это стало необходимо для молодой Турецкой Республики, с легкостью пошел на союз с господином Лениным, получив от того весомую военную помощь. Почему бы и нам не вступить в союз с господином Сталиным, оставив в дураках и Гитлера, и Черчилля? Мы можем дать сейчас множество обещаний, и даже пропустить большевистский Черноморский флот в Средиземное море, а потом, после того как минет опасный момент, с легкостью отказаться от всего и вся, как это когда-то сделал Ататюрк...

– Надо сказать честно, тогда наш вождь попросту обманул простодушного кремлевского мечтателя, – нахмурившись, произнес президент Иненю. – Получив от того помощь и укрепив свою власть, он повернулся лицом к просвещенной Европе, полностью позабыв о вчерашних союзниках, которым был обязан самим существованием турецкого государства. Ведь если бы не пушки, винтовки и золото, полученное из Большевистской России, мы непременно проиграли бы войну греческим интервентам. Но сейчас в Кремле сидит отнюдь не мечтатель, а человек глубоко прагматичный, к тому же впитавший ненависть к турецкой державе с материнским молоком. Попытка обмануть господина Сталина может обойтись нам весьма дорого. Это совсем не тот человек, который готов спустить оскорбление или обман. Да и он сам, не испытывая к нам никакого доверия, может потребовать жестких мер обеспечения лояльности, в том числе и уступки без боя Фракии, Великой Армении и зоны Проливов, и уж после этого вся ваша затея с союзом, господин Меменчиоглы, может потерять смысл. Мы не сможем отказаться от

союзного соглашения с большевиками, если в Проливах и в Армении будут уже стоять войска Красной Армии. Не забывайте и о том, что армяне, входящие сейчас в состав большевистского государства, ничего нам не забыли и не простили, а следовательно, первое, чего нам придется ждать с их стороны – это требование официально признать факт геноцида армянского народа и выдачи для суда и расправы всех турецких участников тех событий. А это – золотой фонд нашего народа и основа турецкого государства. Фактически это будет означать, что Турция – не войной, так миром – превратится в еще одну советскую республику.

– Я ведь уже говорил, что мы должны приготовиться сражаться за свою независимость! – рявкнул Февзи Чакмак, – так же, как двадцать лет назад сражались против греков! Тогда мы победили, и сейчас тоже, с помощью Всевышнего, мы должны попытаться отстоять свою землю от наглых захватчиков!

– Всевышний не на нашей стороне, иначе бы он не создал Врата, – философски заметил Исмет Иненю. – Увы, это действительно так. Мы, конечно, можем попытаться оказать сопротивление, но в любом случае к победе это не приведет. Поэтому, пока у нас есть еще немного времени, мы должны попытаться как можно лучше подготовиться к грядущим испытаниям. Вам, господин Меменчиоглы, стоит активизировать контакты на всех трех основных направлениях. Москве нужно предложить союз и посмотреть на действительную реакцию господина Сталина, а то мало ли что мы здесь себе нафантазировали. Англичанам надо заявить, что после высадки русских в Болгарии нам угрожает большевистское вторжение, а потому пусть дадут нам побольше своего оружия; а немецким войскам, блокированным в Греции, стоит предложить эвакуацию на турецкую территорию. В случае если союз с большевиками будет заключен, мы сможем разоружить их и выдать русским как военнопленных, а если придется воевать, то, как и в прошлую войну, немцы будут драться вместе с турецкими аскерами при обороне Стамбула. А вот к этому, господин фельдмаршал, предстоит готовиться уже к вам. Хуже всего будет, если русские и болгары сумеют окружить вашу Фракийскую группировку где-нибудь в районе Люлебугаза и не дадут ей отойти в Стамбул. На это они большие мастера. Поэтому, пока есть время, отводите войска поближе к нашей старой столице и стройте рубежи полевой обороны. Если уж дело дойдет до войны, я надеюсь, что вы нас всех не подведете. И вы, господин Меменчиоглы, тоже приложите все возможные усилия для того, чтобы добиться хоть какого-то успеха. На этом у меня все. Нам всем остается только стараться изо всех сил и надеяться, что Всевышний уделит нам хоть немного своих милостей.

1 июня 1942 года. Вечер. Бухарест.

Как и предполагалось, самые интересные события происходили в Бухаресте, да только их причиной был не переворот в Софии, о котором в румынской столице до определенного момента просто не знали, а начавшееся (точнее, продолжившееся) генеральное наступление Красной Армии на южном стратегическом направлении. Когда в середине мая фронт, казалось бы, стабилизировался по рубежу реки Прут, Антонеску и ему подобные вздохнули с облегчением. Мол, большевики и их покровители выдохлись, и теперь самое ужасное отодвинулось на два-три месяца. При этом ни один, даже самый оптимистически настроенный румынский политик или генерал уже не надеялся, что затеянная великим кондукатором (Антонеску) советско-румынская война закончится хоть сколь-нибудь хорошо. Плата на этом смертельном аттракционе: за вход – рубль, за выход – голова. Надежды спастись или тем более победить у этих людей уже не было, а было желание как можно дольше продлить агонию, чего бы это ни стоило.

И вот тут, всего-то через две недели после того как все, казалось бы, успокоилось, случился новый сокрушительный удар, в нескольких местах взломавший фронт и обозначивший глубокие вклинения в румынскую оборону. На севере большевики и их покровители прорвались под Яссами (подвижная группировка обошла город, оставив его на съедение пехоте) и

устремилась вглубь Румынии к городу Тыргу-Фрумос. Состоящая по большей части из новобранцев первая румынская армия оказалась рассеченной этим ударом напополам. На южном участке Красная Армия прорвалась у места впадения Прута в Дунай, разгромила сосредоточенные на этом направлении румынские резервы и ворвалась в Галац. Четвертая армия (точнее, ее остатки), и так уже контуженная поражением под Одессой, также была рассечена на две половины и потеряла последние остатки боеспособности. Но главное – падение Галаца открывает русско-большевистским подвижным соединениям дорогу на Бухарест. Двести тридцать километров по дорогам – это один дневной переход лучших русско-большевистских подвижных соединений, вошедших в чистый прорыв.

А ведь в этом мире во втором эшелоне румынских армий, в отличие от реальности иной истории, нет ни одного германского танкового соединения, способного хотя бы попытаться купировать ярость прорыва подвижных групп. Заново сформированные после прошлогоднего разгрома панцердивизии вермахта пока находятся на территории Рейха, и германское военное командование не выказывает никакого намерения направлять их на помощь гибнущему союзнику. И то же касается пехотных частей вермахта, а также истребительных и бомбардировочных эскадр люфтваффе. Немецкие солдаты, уцелевшие в предшествующих боях, являются величайшей драгоценностью, поэтому дорогие союзники со своими проблемами должны справляться самостоятельно.

Пройдет совсем немного времени – и фронт, рассеченный на три неравных фрагмента, в своей центральной части сформирует еще один, молдавский⁴, котел, который проглотит еще примерно шестьдесят процентов румынских сил, уцелевших в предшествующих сражениях. И теперь так называемые потомки римлян торопливо снимаются с позиций по Пруту, чтобы не оказаться в глубоком окружении. А окружать большевики и их покровители умеют: прошлым летом немцы научили их на свою голову, как это правильно делать, с соблюдением всех законов военной науки.

Уже завтра для Великой Румынии настанет скорый и страшный конец, и от этой мысли кондукатору Антонеску хотелось кричать и биться головой об стену. Сколько трудов и усилий было положено на то, чтобы превратить отсталую страну в более-менее современное европейское государство, построить промышленность, создав фундамент для осуществления завоевательных походов, сформировать, вооружить и обучить армию, которая в союзе с великим вермахтом сможет пойти на восток завоевывать новые земли! И из-за необъяснимого каприза высших сил все эти труды пошли прахом. Государство великих румын разгромлено и в самые кратчайшие сроки прекратит свое существование. Внезапный прорыв покровителей большевиков к Риге показал, как это бывает. И вот первый страшный знак – полчаса назад на телефонные звонки прекратила отвечать управа Брэилы – города в двадцати километрах от Галаца. Это значит, что гусеницы чудовищных танков из будущего уже неудержимо лязгают по румынским дорогам, а следом на больших грузовиках, закупленных Сталиным по ту сторону Врат, пылит многочисленная большевистская пехота.

Румынской армии просто нечем остановить это нашествие. Ее пехотные части необратимо отстали, копошась на своих прежних позициях по Пруту; единственная танковая дивизия «Великая Румыния» без остатка сгорела при отступлении от Днестра, та же судьба постигла и авиацию, истребленную большевистскими асами почти под ноль. Немногочисленные истребители ПВО, прикрывавшие румынскую столицу и район Плоешти, окончательно выгорели в ожесточенных воздушных боях этого дня, но не смогли защитить румынские войска от беспощадных бомбардировщиков большевиков и их покровителей. И те делают над Румынией все

⁴ Изначально княжеством Молдавия считалось пространство между реками Прут и Серет, а территория, ныне носящая это наименование, входила тогда в состав Российской империи и называлась Бессарабией.

что захотят. Если выглянуть в окно, то можно увидеть множество белых листовок, засыпавших город будто тополинный пух.

Еще в полдень три огромных четырехмоторных бомбардировщика, пролетев над Бухарестом на большой высоте, разбросали над ним агитационные ротационные бомбы, и теперь дворники торопливо собирают эту дрянь, чтобы сжечь ее в больших железных бочках. Но листовок очень много; жители Бухареста любопытны даже на краю могилы, так что теперь все знают, что написано в этих посланиях с того света чистым румынским языком. Мол, сдавайся или умри, положение Великой Румынии безнадежно, фронт прорван, армия разгромлена; еще пара дней – и государство будет полностью уничтожено, так что ради сохранения своей жизни вам необходимо выйти навстречу Красной Армии с поднятыми руками, ведь Антонеску в любом случае уйдет в ад, а жизнь будет продолжаться. И под сей листовкой – подписи большевистского диктатора Сталина и посланца русских из будущего господина Иванова.

В ад румынский кондукатор не хотел. Он не считал, что заслужил такой чести, и уж тем более не хотел живым попадать в руки большевиков и их покровителей. Те могут выдумать ему такую казнь, что после нее даже ад покажется раем. Поэтому он начал быстро-быстро собираться, чтобы, не поставив никого в известность, убыть в направлении на Плоешти, и дальше на север, в Венгрию. А что тут такого: в прошлую Великую Войну румынская армия тоже была разгромлена сходящимися ударами из Австро-Венгрии и Болгарии, после чего территория государства съежилась до небольшой полоски вдоль русской границы. И Румынский фронт тогда держали русские солдаты, которым румынские власти отплатили лютой неблагодарностью. Так что бежать, бежать, бежать – под крылышко венгерского диктатора Хорти.

Ну а дабы королевская семья, оставшись без присмотра, не вздумала учинить никакой капитуляции, ее следует взять под арест как потенциальных изменников и прихватить с собой в Венгрию. А коли заартачатся – расстрелять на месте без всяких колебаний. Королю без королевства и жить, в общем-то, незачем. Операцию по интернированию или ликвидации юного короля Михая и его матери Елены Греческой и Датской предстояло осуществить на ночь между первым и вторым июня, после чего Ион Антонеску собирался пуститься в свой последний драп. Днем это, конечно, сделать было бы удобнее, но не арестовывать же королеву-мать прямо в госпитале, где она не жалея себя ухаживает за ранеными румынскими воинами. Румынский диктатор знал, что после такой выходки он не доедет живым даже до окраин Бухареста, а не то что до Венгрии или хотя бы до Плоешти. Королеву-мать в Румынии любили и считали почти святой.

Но еще больше происходящими событиями была напугана та самая королевская семья. Не имея возможности влиять на них, королева-мать и юный монарх Михай, которому до совершеннолетия оставалось прожить всего пять месяцев, чувствовали себя пассажирами на заднем сидении автобуса, управление которым захватил сумасшедший водитель (то есть диктатор Антонеску). Впереди уже видна пропасть, а он все гонит вперед, не снимая ноги с педали газа, и все время безумно хохочет. В такой ситуации, если сильно захочешь жить, то будешь искать варианты к спасению.

План-минимум предусматривал бегство в Болгарию под крылышко царя Бориса, который и сам с русскими не воюет, и другим не советует. Семьдесят километров до болгарской границы по хорошей дороге можно проехать всего за час. План-максимум означал необходимость осуществить военный переворот, устранить Антонеску и запросить у советского вождя Сталина заключения экстренного мира. План сложный и почти неосуществимый, потому что почти всех преданных королевской семье генералов диктатор-кондукатор усрал на фронт, а оставшиеся на месте не имели серьезного авторитета в столичном гарнизоне. С одной личной охраной переворот даже в таком расстроенном государстве не совершить, потому что на стороне Антонеску будет и полиция, и жандармерия, и даже часть армейского гарнизона. Поэтому,

дабы Румыния не осталась совсем без королевской семьи, Елена Греческая и Датская избрала план бегства в Болгарию.

Ее окончательный план заключался в том, что она доведет своего сына до болгарской границы, отправит его на ту сторону, после чего вернется в Бухарест и будет с румынским народом до самого его конца. Но каждый человек строит свои планы, а что из этого получится, известно только тому, кто взирает на все происходящее с небес, да еще, пожалуй, трем мойрам, которые прядут, отмеряют и обрезают нити человеческих судеб.

1 июня 1942 года. 23:55. Бухарест, улица Пиктора Григореску, 24 вилла Casa Noua (жилая часть королевского дворца)⁵.

Мысль о том, что бежать из Бухареста лучше где-нибудь ближе к полуночи, пришла одновременно и королеве-матери Елене, и диктатору Иону Антонеску. А то утром может оказаться, что придется сматываться второпях, когда русские танки будут уже входить в румынскую столицу с другой стороны города, а в воздухе завоюют винты их ужасных летательных аппаратов, выбрасывающих в ключевых местах города охотничьи команды. Были уже, знаете ли, прецеденты в Риге, когда никто из тамошних нацистских деятелей не сумел уйти от возмездия.

Да-да, совесть была нечиста не только у Антонеску, но и у короля с королевой-матерью. Ведь год назад они был совсем не против грядущей войны, затевавшейся ради расширения их королевских владений. И именно кондукатор-диктатор разрешил Елене Греческой и Датской вернуться в Румынию и жить вместе с несовершеннолетним королем. И вообще они с Антонеску жили душа в душу ровно до тех пор, пока румынская армия не стала терпеть одно поражение за другим. Вот придут большевики и начнут задавать неудобные вопросы; а их покровители, говорят, такие злопамятные, что способны спросить и о том, о чем ты и сам давно забыл.

И так уж получилось, что как раз в тот момент, когда слуги таскали в роскошный Хорьх личные вещи короля, а сам он стоял рядом, поглядывая на часы, потому что маман задерживалась с выходом (ох эти женщины, в соревновании на скорость сборов они легко проиграют черепахам), во двор королевской резиденции через опрометчиво открытые ворота завернули два грузовика с вооруженными людьми Иона Антонеску. Собираясь в свой эпический драп, диктатор-кондукатор озаботился вооруженной и лично преданной охраной. А вот и он сам – подъехал на таком же Хорьхе, как у короля, и теперь с пистолетом в руке идет прямо к Михаю, злобно скаля зубы. Мол, сейчас прольется чья-то кровь!

– Сбежать вздумал, щенок! – заорал он еще издали, и уже обращаясь к прыгающим с грузовиков солдатам своей личной охраны добавил: – А ну хватайте его, парни, да поскорей!

Румынский диктатор был введен в заблуждение малым количеством находящихся на виду королевских гвардейцев и повел себя несколько опрометчиво. Впрочем, если бы не начальственная команда, никто бы ничего и не предпринял. Бывали случаи, когда высокопоставленных особ арестовывали и даже расстреливали в присутствии их охраны, а та без приказа не шевелила и пальцем, если с другой стороны была такая же высокопоставленная особа. Но тут все пошло совсем по-другому. Молодой король сначала испугался окрика диктатора-кондукатора, а потом разозлился. Какой-то хмырь, просравший к нынешнему моменту все подряд, включая страну и собственную голову, будет приказывать арестовать его, урожденного Гогенцоллерна-Зигмаринена по отцу и Глюксбурга по матери?

⁵ После того как пожар в 1926 году уничтожил старое здание Королевского дворца, руины были разобраны, и в 1936-37 годах на их месте выстроили новый дворец, настолько помпезный и официальный, что в нем просто не предусматривались жилые помещения для царствующих особ. Проживали члены румынской королевской семьи в особняке под названием Casa Noua (Новый дом), выстроенном в 1930 году, по соседству с королевским дворцом. В наше время этого здания не существует, ибо его до основания разрушили германские бомбардировщики, отомстив таким образом королю Михаю за антифашистский переворот. Сейчас на этом месте построен Концертный зал Палатулуй.

– Охрана!! – во всю мощь своих молодых легких заорал он, – к оружию! На вашего короля покушаются!

И тут, изо всех темных углов стали набегать вооруженные королевские гвардейцы – словно только этого и ждали. Никто из них не спал, все были одеты, при оружии и в весьма возбужденном состоянии. По плану королевы-матери всему их подразделению предстояло сопровождать короля до болгарской границы, а потом, поступив в ее распоряжение, вернуться в Бухарест, чтобы разделить с ней судьбу столицы и всей Румынии. Командовал королевскими телохранителями майор Антон Думитреску, безраздельно преданный королевскому семейству; людей в охрану он подбирал соответствующих. Будь перед ними хоть Антонеску, хоть сам Гитлер – если есть приказ, драться против них следует не жалея ни своей, ни чужой жизни.

Зажглись фары приготовившихся к отъезду нескольких машин, и в их лучах Антонеску и его люди оказались беспощадно высвеченными, будто лучами прожекторов. Кто из бойцов противостоящих группировок произвел первый выстрел, не установят уже, наверное, и на Страшном Суде, хотя не исключено, что это был сам Антонеску. Перестрелка вспыхнула внезапно и в считанные секунды дошла до той точки ожесточения, когда две схлестнувшиеся группы людей расстреливали друг друга в упор, дрались прикладами, ножами, кулаками, да и просто зубами. Молодой король упал под пулями одним из первых, и именно над его телом разгорелась самая жаркая схватка.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Майор Думитреску вытолкнул оцепеневшего солдата с места стрелка в бронев автомобиле сопровождения и, не колеблясь, практически в упор, открыл по нападавшим огонь из спаренного крупнокалиберного зенитного пулемета Гочкиса. Яростный грохот, багровое пламя, слепящее в ночи, и тяжелые пули на куски разрывали человеческие тела, не делая различия между своими и чужими. Такой пуле совершенно не важно, сколько на ее пути оказалось слоев человеческого мяса, поэтому Ион Антонеску, укрывшийся за спинами своих охранников, был скошен вместе с ними. Когда в магазинах пулемета закончились патроны (Гочкисы имели магазинное питание), то немногочисленные люди Антонеску, счастливым произволом судьбы избежавшие общей злой участи, стремились поскорее покинуть это место, затерявшись в темноте, а королевские гвардейцы, которых уцелела почти половина, отирали трудовой пот, стараясь понять, что же все-таки это было.

И только тут на месте событий появилась королева-мать, которая бежала-бежала к своему сыну, но так и не добежала до него вовремя. Ее Михай, кровиночка, единственный сынок, надежда и опора, гордость материнского сердца, пробитый сразу несколькими пулями, истекал кровью на брусчатке двора. Королева-мать была достаточно опытной медсестрой, на протяжении своей медицинской «карьеры» повидавшей множество тяжелораненых, и ей сразу стало понятно, что вместо истошных криков «доктора-доктора» лучше позвать священника, а заодно и гробовщика. Поездка в Болгарию сразу потеряла свой смысл, а заодно земля ушла и из-под ног самой Елены Греческой и Датской... Ведь без своего сына она в Румынии никто и ничто – бывшая жена бывшего короля.

Что касается господина Антонеску, то его не сразу-то и опознали в куче человеческого мяса, нарубленного на куски тяжелыми пулями. Словив в плотной толпе сразу несколько попаданий, он по большей части превратился в мясной фарш. Точному опознанию поддавались: голова, правая нога и окровавленные лохмотья маршальского мундира. Понять, что что-то пошло не так, этот человек успел, а вот испугаться – уже нет.

– Мужайтесь, мадам, – сказал майор Думитреску внезапно осиротевшей королеве, – ваш сын погиб, но Румыния еще жива!

– Кто я для Румынии? – с горечью ответила женщина, – и что для меня эта страна, забравшая у меня единственного сына, что был всем смыслом всей моей жизни?

– Вы – Её Величество Королева-мать Румынии, а не просто мать румынского короля, – сказал майор Думитреску, – и все мы – ваши верноподданные. Если хотите, то я и мои люди принесем вам присягу прямо сейчас.

– Погодите с присягой, – сказала Елена, вытерев слезы, – это всегда успеется. Пока мне достаточно вашего слова. В первую очередь я, конечно, хотела бы оплакать своего сына, но сейчас на это совершенно нет времени. Еще несколько часов – и тут будут танки русских из будущего, после чего все мы умрем или необратимо изменимся... и этому факту требуется смотреть прямо в лицо. Вы лично, господин Думитреску, что предпочтете: изменение или смерть?

– Я думал, вы знаете, что произошло в Болгарии, и именно потому так торопитесь уехать, – медленно произнес начальник королевской охраны. – Час назад по радио передали, что в Болгарии переворот. Спасая себя и государство от ужасов войны, царь Борис отстранил от власти правительство Богдана Филова и объявил Войну государствам Румынии, Германии, Венгрии и Италии. Теперь в Болгарии правит отечественный фронт: чудовищная коалиция из коммунистов, монархистов и примкнувших к ним мелких припал. Судя по тому, как гладко это было проделано, операция готовилась давно и в очень глубокой тайне...

– Дожились... – с горькой иронией сказала королева-мать, – важнейшие новости об изменении международного положения мы узнаем из сообщений Бухарестского радио, а не от министерства иностранных дел. Впрочем, и болгары тоже хороши. Не в первый раз они наносят удар в спину бывшим союзникам...

– А разве у царя Бориса в таких обстоятельствах был какой-нибудь иной выход? – спросил майор Думитреску. – Никто из нас не хочет, чтобы его дом превратился в поле боя, а близкие люди стали заложниками и невинными жертвами чужой войны.

– У Румынии положение совсем другое, нежели у Болгарии, – сказала королева-мать. – Наш Антонеску на войну с большевиками побегал радостно почти вприпрыжку – а все потому, что Сталин потребовал вернуть ему территории, которые мы украли у русских по итогам их Великой смуты. Да и, в любом случае, пока я для Румынии никто и ничто. Ни один министр или генерал и не подумает выполнять мои указания.

– Есть люди, для которых преданность монархии находится превыше всех прочих обстоятельств, – сказал майор Думитреску. – Я говорю о дивизионном генерале Георгиу Михаиле, который сейчас в отставке, но тем не менее имеет большой авторитет в армии. Сейчас, когда Антонеску больше не стоит между вами и страной, было бы неплохо призвать к объединению все здоровые силы нации...

– Если учитывать, что на все у нас только несколько часов, то это непростая задача, – сказала вдовствующая королева-мать. – И в первую очередь мы должны объявить, что Антонеску настолько сошел с ума, что с оружием в руках напал на моего сына. В первой сводке необходимо сообщить, что Михай только ранен, а не убит, и лишь потом, когда наша власть укрепитя, мы сможем сказать, что он умер от ран. Сейчас мы с вами, поручив раненых и убитых заботам врачей и священников, возьмем с собой всех ваших людей, что остались на ногах, и поедem в Дом Радио делать наше первое официальное сообщение. Там будет наша временная штаб-квартира, и именно туда нужно будет доставить всех тех людей, которые понадобятся для взятия реальной власти. И главный человек, если мы сумеем его уговорить, это Георгиу Михаил – он одновременно займет посты премьер-министра, военного министра и министра иностранных дел. Позже на каждую из этих должностей мы подберем отдельного человека, но сейчас машина должна крутиться в том виде, в каком ее создал господин кондукатор. Видит Бог, мы с Антонеску совсем не были врагами, просто обстоятельства сложились так, что, спасая государство, мы вынуждены действовать экстраординарными методами. Ну давай те же, не стойте, господин Думитреску! Вы сами сподвигли меня на это, так что теперь мы должны двигаться вперед и только вперед. Почетную капитуляцию Румынии необходимо предложить господину Сталину раньше, чем танки русских из будущего дойдут до бухарестских улиц.

3 июня 1942 года, Третий рейх, Бавария, резиденция Гитлера «Бергхоф».

Известия о том, что случилось в Румынии и Болгарии, достигли ушей Гитлера почти одновременно. При этом взрыв яростных эмоций, который этот злобный мизерабль обрушил на окружающих, был смягчен только предварительным ожиданием очередных неудач. Летняя кампания началась для вермахта с разгрома группы армий «Юг», и вот теперь цепь поражений продолжилась стремительным разгромом Румынии и предательством Болгарии. Ни больше, ни меньше. Гитлера не удивила даже двухнедельная пауза между этапами большевистского наступления. В прошлом году немецкие панцеры, достигнув берегов Днепра, точно так же сделали на этом рубеже короткую остановку, необходимую для подвоза снабжения и подтягивания пехоты, а потом рванули дальше на восток... прямо в мясорубку генерального Смоленского сражения.

– Мой фюрер, – сказал Гейдрих, когда Гитлер перебесился и мог соображать более-менее здраво, – большевики и их покровители сосредоточили против румынской армии подавляюще превосходящую группировку. Фронт по Пруту еще не устоялся, войска были надломлены предшествующими поражениями и отсутствием немецкой поддержки, а большевики и их покровители еще не растратили своего наступательного порыва и были воодушевлены предшествующими победами. Поэтому, как только большевики решили, что пришло время снова наступать, у генералов Антонеску не оказалось ни единого шанса, а сам он запаниковал, не зная, что делать. Возможно, в этих условиях наиболее разумным решением ему показалось свалить всю вину за поражение на короля, обвинив того в пацифизме и пособничестве врагу. Дурацкая, скажу я вам, идея...

– Но, мой добрый Рейнхард! – возопил Гитлер, патетическим жестом вздымая вверх руки, – я все равно не понимаю, почему он лично отправился арестовывать этого щенка Михая, а не послал за ним солдат? В результате наш друг погиб, а в Румынии торжествует либерализм в самых гнусных его формах.

– В отсутствие самого высшего начальства солдаты могли и не подчиниться подобному приказу, – ответил Гейдрих, – и даже, более того, неудачная попытка ареста короля могла вызвать стихийный бунт и крах румынского государства в той форме, в какой мы привыкли его видеть, что в итоге и получилось. Именно поэтому я назвал эту затею дурацкой. Теперь, пока ситуация окончательно не утрясется, Румынией руководит временная правительница – Ее Величество вдовствующая королева-мать Елена Греческая и Датская, которую поддерживают все круги общества, кроме крайне левых и крайне правых.

– Если король Михай был лопухим и неопытным щенком, то его мать – это опытная матерая сука, сумевшая захватить власть, на которую она не имела никакого права! – в запале воскликнул Гитлер.

Гейдрих вкрадчиво произнес:

– Как докладывают мои люди, за то, что она в считанные часы сумела договориться с русскими из будущего и большевиками о весьма почетных условиях капитуляции, в Румынии королеву Елену считают почти святой. Теперь Румыния воюет на совсем другой стороне и рассчитывает с полным правом войти в число держав-победителей, в то время как мы и самые преданные наши союзники окажемся в числе побежденных.

– Но почему, мой добрый Рейнхард, почему эти румыны с такой легкостью отдались под покровительство Сталина? – снова воскликнул Гитлер. – Разве же мы не были к ним достаточно добры и не разрешили брать себе столько земель на юге России, сколько они смогут удержать?

– Побеждающая в войне сторона всегда обрастает союзниками, в то время как терпящая поражение остается в одиночестве, – ответил тот. – Наш посол в Турции фон Папен сообщает, что политики в Анкаре, забывшие и думать о союзе с Германией, теперь колеблются, мучимые выбором между русскими большевиками и Великобританией. Душа тянет их к рыжим остро-

витянам, а вот рациональная составляющая разума говорит, что сила сейчас не на стороне империи, над которой никогда не заходит солнце...

– Какая гнусная неблагодарность! – вскричал Гитлер. – Улыбаться, кланяться, и в то же время прятать за спиной отравленный нож! Но хуже турок могут быть только болгары – вот уж воистину славянские недочеловеки! Мы дали им Македонию, Южную Добруджу, прирезали куски от Греции, а они отплатили нам за это самой гнусной изменой!

Гейдрих ответил:

– В первую очередь царь Борис желает сохранить все свои приобретения после того, как мы потерпим от русских неперемное, по его мнению, поражение. Если бы он хоть немного промедлил с этим решением, то, сокрушив Румынию, русские сами объявили бы ему тридцатиминутную войну, в результате которой Болгария могла потерять даже больше, чем приобрела в союзе с Германией.

– Тридцатиминутную войну?! – ошарашенно повторил Гитлер, пораженный такой скоростью блицкрига. – Мой добрый Рейнхард, да как такое вообще возможно?!

– Именно так и было в том, ином мире, где я провел целых четыре месяца, – кивнул Гейдрих. – Болгария капитулировала через тридцать минут после начала боевых действий, да и войны как таковой не случилось. Болгарские солдаты не стали стрелять в русских братушек, а тридцать минут потребовались на разные бюрократические проволочки. Вот и в этот раз, совершив переворот, царь Борис лишь срезал угол, избавив себя от необходимости подписывать даже почетную капитуляцию. Очевидно, территориальные вопросы он обговорил с господином Сталиным заранее, и теперь все, что Болгария приобрела в союзе с Германией, так и останется в ее владении. Увы, такова участь малых стран – вроде той же Румынии, Болгарии или даже Венгрии, во всем зависящих от милостей старшего партнера. А мы, даже подозревая возможную измену, не могли их оккупировать, поскольку после Смоленского побоища у нас на это уже больше не было лишних войск.

– Рейнхард, мой мальчик! – воскликнул Гитлер, – все сказанное тобой, конечно, разумно, но это никак не отменяет того, что в результате этих событий положение Германии значительно, можно даже сказать, фатально ухудшилось. Скажи, что нам теперь делать, ведь таким образом русские глубоко обошли нас по флангу...

– Наш друг Франц считает, – сказал Гейдрих, имея в виду Гальдера, – что мы срочно, пока большевики не закончили развертывание своей группировки в Болгарии, должны отдать команду нашим войскам в Греции прорываться на север и воссоединиться с восемнадцатым армейским корпусом, дислоцированным в Сербии. Группировку на Крите, пока возможно, лучше эвакуировать морем в Италию. Греция сейчас – как набитый камнями чемодан без ручки, который лучше выбросить, чтобы он не утянул на дно еще два наших армейских корпуса с частями усиления. Если промедлить еще немного, то тогда нашим солдатам придется уходить по горным дорогам через Албанию, бросив большую часть техники и тяжелого вооружения. И еще: ничего не скажу за Сербию, но за дружественную нам Хорватию и за Венгрию мы должны держаться как за территорию Рейха. Если там повторится румынский или, не дай Бог, болгарский вариант, то мы получим большевиков и их покровителей из будущего прямо под стенами Вены, а это совсем не то, что полезно для здоровья германской нации.

– Но, мой добрый Рейнхард, почему мы так же не держались за ту же Румынию и за Болгарию? – спросил сбитый с толку Гитлер.

– А потому, – сказал Гейдрих, стремительно подходя к карте и раздергивая шторы, – что, по данным разведки, вот здесь и вот здесь (*под Ригой и Борисовым*) у большевиков называются формирующиеся крупные подвижные ударные группировки. Там собираются войска, пополненные после боевых действий в Финляндии и ликвидации остатков восемнадцатой армии под Пярну. Еще одна такая группировка, толкая впереди себя потрепанную шестую армию Паулюса, движется на запад по северной части Украины. Если мы ушлем наши лучшие подвиж-

ные соединения далеко на юг, на поддержку никчемных румын, и они окажутся связаны там тяжелыми боями, то тогда большевики нанесут удары по сходящимся направлениям и еще раз ампутируют группы армий «Центр» и «Север». В отличие от румын, венгры и хорваты будут драться с русскими яростно, и немецких частей для их поддержки потребуется гораздо меньше...

Немного помолчав, он добавил:

– Запомните, мой фюрер: у Сталина сейчас в наличии имеется полуторный или даже двойной комплект войск, необходимых для ведения боевых действий, а также поддержка русских из будущего, ограниченная только пропускной способностью Врат – а потому русский вождь имеет возможность затевать активные операции на самых разных участках фронта. Зато у нас этот показатель даже меньше единицы, поэтому мы вынуждены полагаться на союзников, или вообще на всякую шваль – вроде датчан, голландцев, бельгийцев и французов. Вам необходимо надавить на дуче, чтобы он дал как можно больше солдат на Восточный фронт, также можно потребовать еще солдат у Франко и у Петена. И еще, мой фюрер, будьте добры сообщить вашему римскому другу, что у него тоже возможна ситуация по образцу румынской. Если Муссолини будет непозволительно мягок с королевской семьей, то с приближением русских войск к границам Италии переворот и капитуляция становятся практически неизбежными.

– А вот это, мой мальчик, у тебя очень правильная мысль, – сказал Гитлер, – возможный переворот в Италии лишит нас одного из двух настоящих союзников. Я непременно сообщу дуче, что он должен принять самые решительные меры против возможной королевской измены. Ты хочешь сказать что-нибудь еще?

– Пусть обратит внимание на маршала Бадольо, – сказал Гейдрих, – этот герой войны с полуголыми абиссинцами предал его в другом мире, предаст и сейчас. Увы, мне больше нечего добавить ко всему сказанному, ибо в нашем положении предательства следует ожидать на каждом шагу. Как выяснило следствие, в нашей собственной армии абсолютно лояльна только самая незначительная часть генералов и старших офицеров, остальные продолжая ненавидеть большевиков и всяческих левых, считают идеалом государственного устройства Второй рейх Гогенцоллернов, а не Третий рейх Адольфа Гитлера...

– Мой мальчик, – вскинул голову Гитлер, – я знаю, что мы на самом деле ведем борьбу не за победу и даже не ради выживания, а всего лишь за то, чтобы оттянуть свой ужасный конец. И сегодня этот конец стал ближе еще на один шаг. Увы, но это так.

Когда Гейдрих ушел, Гитлер в созерцательной задумчивости застыл перед картой Восточного фронта, но, против ожидания, никаких озарений на него не снизошло. И вроде бы его лучший ученик все так красиво и правильно объяснил, но тем не менее фюреру германской нации было крайне не по себе от мысли, что еще полгода, максимум год – и Третий рейх закончится в судороге последних боев, которые вытопчут центр Германии и погребут под собой его, Гитлера. И вместе с ним должна погибнуть вся немецкая нация, оказавшаяся недостойной стать расой господ.

О если бы он при этом знал, о чем думал Гейдрих... А думал тот о том моменте, когда русские из будущего сочтут дальнейшее существование его вождя и учителя излишним. Судя по всему, это время не за горами – и тогда для него, Гейдриха, главным будет не очутиться с Гитлером под одной крышей.

5 июня 1942 года, полдень. Великобритания, Лондон, бункер Правительства, военный кабинет премьер-министра Уинстона Черчилля

Известие о том, что Красная Армия пересекла линию границы бывшей Российской империи и вышла в так называемую «Европу», пренеприятно кольнуло Черчилля в самое сердце. Полгода назад он приложил просто титанические усилия к тому, чтобы уберечь Финляндию от поглощения Советским Союзом, но не преуспел ни в малейшей степени. И вот теперь такая

же угроза нависла над Румынией, Болгарией, Грецией, Албанией и Югославией. Первые две страны из этого списка уже попали под большевистскую оккупацию, остальных эта участь ждет в самом ближайшем будущем – и Черчилль остро ощущает свое бессилие хоть как-то помешать столь печальному исходу. Русские большевики усилились, а Британия вновь ослабла, утратив очередные рычаги влияния на европейскую ситуацию.

Не оправдался и расчет Черчилля на Турцию, которая упустила время, так и не решившись вмешаться в большую европейскую игру, и теперь окно возможностей для подобных действий для нее закрылось безвозвратно. Собственно, британскому премьер-министру было глубоко безразлично то обстоятельство, что для самой Турции участие в этой европейской игре не означало ничего, кроме добровольного самоубийства. Болгария была единственным сателлитом нацистской Германии, имевшим особые отношения с Советским Союзом. Британии, Франции, Греции и Югославии (то есть унизившей Болгарию Антанте) царь Борис войну объявил, а вот с Советской Россией, как ни старался Гитлер добиться обратного, сохранял состояние мира и даже поддерживал дипломатические отношения.

Возможно, в самом начале года, когда фронт проходил еще по Днепру, у Красной Армии и не было возможностей наказать турок за наглость, но и тогда за ее спиной маячило Российское государство из будущего, обладающее тут, в первой половине двадцатого века, совсем уж чудовищной мощью. Именно его гнева и мстительной решимости испугался турецкий президент, когда просчитал все возможные последствия вступления Турции в общеевропейскую войну в режиме «каждый сам за себя». Это правило, собственно, придумали сами русские, когда не стали подписывать Атлантическую хартию и присоединяться к альянсу западных демократий против плохого парня Гитлера.

Там, где с ограничением продвижения русских в Европу не справились турки, могли бы попытаться сами англичане. Но Британия ныне занимает позиции в Египте, Мальте, Палестине и на Кипре, а это слишком далеко от места разворачивающихся событий. Не каждый DC-3 королевских воздушных сил долетит до Софии и Белграда, а также сможет вернуться обратно. В зоне досягаемости для британской авиации и флота только Крит и материковая Греция, где пока стоят германские оккупационные гарнизоны. Они оттуда уйдут сами, не могут не уйти, ибо изменившаяся позиция Болгарии отрезает их от снабжения и связи с фатерляндом. И тогда на место немцев должны успеть вскочить англичане, у которых в запасе имеется греческий король-беглец Георг Второй. Люди, сейчас помогающие немцам, с той же охотой станут служить новым-старым господам. Их руками можно будет подавить коммунистическое сопротивление и вернуть Грецию в старое британское стойло...

Но одно дело – приказать проработать план такой операции, и совсем другое – отдать приказ на ее исполнение. Совать голову в пасть русскому Молоху щикотно не только туркам; толстокожий как носорог Черчилль также испытывает по этому вопросу определенные сомнения. У русских из будущего длинные руки, способные дотянуться не только до Берлина, Софии, Анкары, Рима или Мадрида, но и до Лондона, где нынче и находится сэр Уинстон Черчилль. Когда русские из будущего захотели, чтобы Гитлер вел себя на оккупированных территориях более-менее прилично, в ответ на массовые экзекуции они пригрозили ему применением своего ужасающего оружия. Всего один снаряд, обладающий испепеляющей мощью миллиона тонн обычных боеприпасов – и крупный город превратится в выжженные руины.

И в том, что целью такого удара может стать Лондон, нет ничего невероятного. Достаточно причинить русским серьезное беспокойство, нарушив их планы – и они с легкостью включат Британскую империю в список своих врагов. Отношения у Советского Союза и Великобритании холодно-нейтральные, с намеком на будущую враждебность, а Покровители большевиков смотрят на Туманный Альбион и вовсе как на пустое место, предпочитая договариваться с американцами. Рузвельту нужен второй фронт в Маньчжурии? Во-первых – это может случиться только после завершения войны в Европе. Во-вторых – у русских для этого есть кон-

кретные условия. Изучите список и дайте ответ. Если согласны, то можно заключать сделку, а если нет – значит, нет. Исходя из пункта «один», мешать продвижению русских в Европу хоть каким-нибудь способом Америка не будет. Для нее скорейшее завершение европейской кампании – вопрос жизни и смерти. И вечные британские интересы тут побоку. В последнее время разговаривать через губу с британскими дипломатами стали не только в Москве, но и в Вашингтоне.

И Черчилль знает, по какой причине к Британии такое отношение. Королю Георгу регулярно присылают из советского посольства британскую прессу из будущего, а уже тот по мере возможности просвещает своего премьер-министра. Листая ядовито-цветные страницы потусторонних изданий, премьер-министр Империи, над которой никогда не заходит солнце, не испытывает ничего, кроме приступов тошноты. Той Великобритании, за которую он сражается сейчас, в двадцать первом веке больше не существует. Она рассыпалась как карточный домик, и признаки грядущего распада, если присмотреться, в британском обществе видны уже сейчас. Две мировые войны, несмотря на то, что Британия вышла из них победительницей, настолько подкосили ее человеческие и материальные ресурсы, что удержать связность огромной колониальной империи оказалось уже невозможно.

Что касается русских из будущего, то для них что Британия, что Германия – одинаковые виновники развязывания Второй Великой Войны, невинной жертвой которой должен был стать Советский Союз. Он, Черчилль, в свое время криком кричал (в кулуарах парламента) что ни в коем случае нельзя потакать агрессору, и что выгоду из Мюнхенской конференции получает только Гитлер, что сдача Чехословакии лишь приближает общеевропейскую бойню. Русские же из будущего в своих пропагандистских передачах говорят обо всем этом открыто, требуя после победы над Третьим Рейхом привлечь к ответу не только нацистских преступников, но и их прямых пособников. Пока Великобританию не замечают, но к тому времени, когда в Европе отгремят бои и русские танки выйдут на побережье Канала, ей непременно предьявят все оптом – так сказать, «по гамбургскому счету»: от развязывания русско-японской войны до того безобразия, которое Чемберлен на пару с французом Даладье учинили на Мюнхенской конференции. Пока еще имеется надежда спустить этот вопрос на тормозах, отделавшись малой кровью, но в случае прямого конфликта с русско-советскими интересами эти надежды окажутся тщетными, и Британия из перечня держав-победителей в войне перейдет в список проигравших.

И ведь дела Британии плохи даже без дополнительного конфликта с русско-советским Альянсом из-за господства на Балканах. Примирение с Германией, чья армия стоит прямо за Каналом, невозможно, пока жив Гитлер. Да и потом, если его убить, еще неизвестно, кто станет его преемником. Британской разведке уже известно, что русские из будущего по неофициальным каналам (через Гейдриха) уже довели до руководства Рейха простую мысль, что союз Германии и Британии есть основание для применения того самого ужасающего оружия, способного стирать с лица Земли города и целые страны. Есть у большевиков песня, в которой поется о необходимости разрушения старого мира «до основания» – а это значит, моральная готовность к таким действиям у них имеется.

Неладны дела и на индо-тихоокеанском театре военных действий. Утрачены Борнео, Гонконг, Голландская Ост-Индия, Малайя, Соломоновы острова и Сингапур, враг стоит на пороге Новой Гвинеи и Австралии (Черчилль не знает, что сокращая масштаб операций до приемлемого уровня, японское командование отказалось от захвата Новой Гвинеи, Австралии и Новой Зеландии в пользу вторжения в Индию). Там японские войска все же прорвались в долину реки Брампутра, и теперь продолжают теснить потрепанную восьмую британскую армию дальше на запад. Если на спину этому верблюду упадет хотя бы еще одна соломинка, он не выдержит и рухнет со всех четырех копыт. Ни Черчилль, ни его генералы не понимают, откуда японцы берут резервы, чтобы толпами бросать своих солдат в новые атаки (Британскому командованию

невдомек, что в ожесточенные бои за провинцию Ассам японский император послал отборные части Квантунской армии, снятые с советской границы).

Если так пойдет и дальше, то фронт попросту рухнет, и тогда японцы ворвутся на территорию основной части Индии, где их уже ждут люди, для которых англичане – это злейшие враги на свете. И тогда случится такая резня «белокожих сагибов», что она затмит все ужасы сипайского восстания. Непротивленец Махатма Ганди – это только одно лицо индийского национализма. Вторым лицом этого явления является беспринципный головорез Чандра Бос, готовый сотрудничать с кем угодно: с русскими, немцами и японцами, – да хоть с самим Сатаной, лишь бы против англичан. Таким образом, если японцы прорвут оборону восьмой армии, то кончится это только утратой контроля над Индией, и такого потрясения Британская империя не переживет, рухнув еще до того, как закончится эта война. Об этом знают в Москве, наверняка знают в Токио и Вашингтоне, а также об этом точно известно ему, Черчиллю.

Именно поэтому, пролистав подробный план замены германской оккупации Греции на британскую и просмотрев выкладки по наряду необходимых сил и средств, Черчилль вздохнул и сунул папку в нижний ящик своего стола, где хранились бумаги с грифом «почти макулатура». У Британии сейчас нет на эту авантюру ни одного лишнего солдата, самолета или корабля, а без непосредственной поддержки британских войск греческие монархисты легко будут съедены прокоммунистическими отрядами партизан, не говоря уже о формированиях регулярной Красной Армии.

Действовать на Балканах и вообще в Европе британцам нужно тонко, исподтишка, возбуждая в местных народах враждебность ко всему советскому и русскому, и, главное, по возможности затрачивая на эту деятельность минимум ресурсов. Так должно продолжаться, по крайней мере, до тех пор, пока Британия не соберется с силами после этой войны. И он, Черчилль, приложит все усилия к тому, чтобы остановить распад и как можно скорее восстановить имперский потенциал, ведь, как говорили старики-римляне, кто предупрежден, тот вооружен.

12 июня 1942 года, полдень. Обстановка на Балканском театре военных действий.

Еще вчера вечером сводка от Советского Информбюро сообщала, что части болгарской армии при поддержке болгарских, югославских и отчасти греческих партизан ведут тяжелые оборонительные бои на Битольском, Скопье-Кумановаском, Неготинском и даже Софийском направлениях. Оккупировавшие греческую часть Македонии немецкие части рвутся на север, на соединение с восемнадцатым армейским корпусом, атакующим болгарские позиции со стороны Сербии. Основной удар немцы наносят с севера. 7-я горнопехотная дивизия СС «Принц Ойген» наступает от Ниша на Пирот⁶, и далее на Софию, а 714-я и 718-я пехотные дивизии вермахта с боями продвигаются от Приштины и Вране на Скопье-Куманово.

Там идут ожесточенные бои, гремят взрывы и льется кровь. Небольшой город Пирот (всего-то семьдесят тысяч довоенного населения) превратился в арену ожесточенных уличных боев. Эсесовцы из «Принца Ойгена» захватили левобережную часть города, но на правом берегу реки Нишавы, в районе железнодорожной станции, продолжают сопротивление остатки болгарского армейского гарнизона и присоединившиеся к ним группы сербских партизан. Арсо Йованович сдержал слово – и все отряды и повстанческие группы в Сербии получили приказ прекратить вражду с болгарской армией и быть готовыми драться с ней в одном строю.

Там, куда эсесовцы сумели прорваться, застигнув местных жителей в своих домах, творятся ужасные зверства и льется кровь невинных людей. Люто разобидевшись на «измену» царя Бориса, Гитлер приказал считать всех болгар недочеловеками, со всеми вытекающими

⁶ По итогам раздела территории Югославии в 1941 году Пирот отошел в состав Болгарии, став приграничным городом.

из этого заявления последствиями. В ответ по частям и соединениям Балканского фронта, выдвигающимся к линии соприкосновения с противником, был распространен приказ Верховного Главнокомандующего о том, что из частей и подразделений нацистской Германии и ее сателлитов, замеченных в массовых убийствах мирного населения, в плен не следует брать ни единого человека. Солдат частей СС, замаранных в человеческой крови с ног до головы, это касается особенно.

Не остаются в стороне советские ВВС, а также российские ВКС, регулярно наносящие бомбовые удары по наступающим немецким войскам и подтягивающимся резервам. Но в любом случае, болгарской армии, отвыкшей от настоящей войны, до момента подхода к линии соприкосновения частей РККА приходилось туго. Но именно их упорство в защите того, что они уже считают своей землей, превратило задуманную немецким командованием быструю деблокирующую операцию в упорное затянувшееся сражение с неясным до последнего момента результатом, потому что Красная Армия на этот банкет все-таки успела. А это значит, что все тактические расчеты, произведенные Кейтелем и Йодлем, в очередной раз пошли прахом.

Уже сегодня утром сводка Совинформбюро под победные фанфары сообщила об успешном фланговом контрударе подвижной группы генерала Лелюшенко от Кавалы на Салоники (то есть по факту все произошло еще сутки-двое назад). Смяв германское фланговое пехотное прикрытие, несколькими днями ранее оттеснившее болгар к городку Врасна, российско-советская танковая группировка совершила стремительный марш по шоссе Кавала-Салоники и с ходу ворвалась в столицу провинции Центральная Македония, где на тот момент находились тылы германской группировки, штурмующей южный болгарский фронт. Потом последует стремительный поворот на север – и немецкие части, пытаясь спастись из греческой мышеловки, окажутся между молотом и наковальней. А следом за подвижной группой по дорогам вдоль Мраморного (по-болгарски Белого) моря в строгом порядке движутся стрелковые дивизии девятой армии РККА. Их задача – оказывать помощь греческим товарищам в освобождении их земли от немецко-итальянских оккупантов и их пособников, а также предотвращать попытки наглых островитян совать нос не в свои дела.

Основную роль в оккупации Греции играют совсем не немцы, у которых для этого просто недостаточно личного состава, а одиннадцатая итальянская армия. При этом, почуяв запах жареного, итальянцы не прорываются вместе немцами через Македонию, а тихо уходят той же дорогой, что и пришли – то есть, отступая через Албанию или эвакуируясь морским путем из портов западного побережья Греции. Италия там совсем рядом, сразу за Ионическим морем – можно сказать, рукой подать. В деле расправ над мирным населением Греции, Албании и Черногории поедатели пасты под острым томатным соусом тоже довольно многогрешны, и поэтому им совсем не с руки встречаться со злыми и опытными бойцами РККА. В степях Советской Украины после такой встречи сгинула восьмая итальянская армия, а в Греции та же судьба может постигнуть одиннадцатую армию.

Как бы их дуче ни хорохорился и ни раздувал щеки, на этой войне итальянские солдаты не равны никому. Их уже лупили русские с англичанами, более того, их армия была разгромлена уже потерпевшими поражение французами, и даже третьеразрядные по европейским меркам греки дали им такого пинка, что Муссолини пришлось звать на помощь Гитлера, ломая тому планы летней кампании... С легкостью разгромив Югославию и Грецию, немцы думали, что поставили точку в Третьей Балканской войне, но после их неудач на Восточном фронте эта точка как-то сама превратилась в запятую. И теперь начинается новая глава той же повести – на Балканы прорвалась Красная Армия и российский экспедиционный корпус. Одновременно с вышеописанными событиями удар от Софии на сражающийся в полуокружении Пирот, Ниш и в конечном счете на Белград нанесла подвижная группа генерала Рыбалко, следом за которой развертывается в боевые порядки третья армия генерала Берзарина. Можно себе предста-

вить, с какими противоречивыми чувствами граждане балканских стран в двадцать первом веке следят за транслируемыми РТ репортажами военных корреспондентов. Для одних все происходящее – это воплощение затаенных мечтаний, а другие в те же странах сходят с ума от злобы, потому что предали свое первородство за миску безвкусной общеевропейской похлебки и теперь опасаются, что история не простит им этого иудина греха.

И вот в один весьма неприятный для себя момент на рассвете двенадцатого числа солдаты 7-й добровольческой горнопехотной дивизии СС «Принц Ойген», непрестанно атакующие болгарские позиции в районе станции с говорящим названием Суково, вдруг обнаружили, что перед ними в боевые порядки разворачивается суший кошмар Восточного фронта: механизированная дивизия «марсиан» полного штата. А за ним на марше пылит межкорпус РККА нового строя: много местных модернизированных танков Т-34 и штурмовых самоходных орудий высокой баллистики СУ-122 и СУ-152, а также запортальных танков Т-55 и БМП-1, модернизированных боевыми модулями «Кливер». Начинается операция «Полный Абзац», часть первая; красные перехватывают инициативу и выигрывают. Прекрасная новость для сербских партизан и болгарских солдат, для немцев же – очаровательная улыбка птицы Обломинго во всей ее красе. Больше всего белокурые бестии боятся перевода на Восточный фронт, но теперь этот фронт пришел к ним сам.

Но раньше чудовищных панцеров по позициям эсэсовцев часто и точно ударила крупнокалиберная артиллерия, возвестив начало конца немецкого господства на Балканах. Все новые и новые батареи и дивизионы с марша выходили в районы развертывания и присоединялись к канонаде. Шквальный артиллерийский огонь прореживал атакующие горнопехотные подразделения, заставлял замолкать батареи, сметал с лица земли батальонные и полковые командные пункты. . . Румынские, итальянские или французские солдаты в такой ситуации побежали бы без оглядки, но немцы залегли там, где их застал обстрел, достали саперные лопатки и прямо под огнем принялись торопливо окапываться. Истину, известную каждому солдату еще со времен прошлой Великой войны, о том, что земля – лучшая спасительница и защитница солдата, эти фольксдойчи из Баната знали хорошо, несмотря на то, что из-за отсутствия гражданства Рейха их не призывали в вермахт.

Но стабилизация линии фронта на достигнутом рубеже не входила в планы советского командования, и поэтому за час до полудня, когда вражеская оборона еще не устоялась, танковые и мотострелковые подразделения экспедиционного корпуса и РККА двинулись вперед, нанося основной удар на левом фланге. И следом за бронированными машинами, повинувшись командам уцелевших офицеров «На нож» из полуразрушенных окопов поднялись цепи болгарской пехоты. Дальше вглубь Сербии они не пойдут, но прямо здесь и сейчас устроят германцу кровавую баню.

Замысел генерала Рыбалко, одобренный командующим фронтом Рокоссовским, заключался в прорыве вражеских позиций на левом фланге на всю глубину тактического построения, последующем окружении боевого ядра этого людоедского военизированного формирования в излучине реки Нишавы восточнее Пирота и его полном уничтожении без жалости и сомнений. Ведь эсэсовцы из дивизии «Принц Ойген» были зверьми в человеческом обличье, с одинаковым равнодушием уничтожавшими сербское, хорватское и мусульманско-бошняцкое мирное население. В нашей истории повешенными по приговору военного трибунала оказались только командовавшие дивизией эсэсовские генералы, а тут ни один солдат СС не должен выйти живым из сражения за Пирот. И неважно, что они еще не совершили большинства своих преступлений – несмотря на это, они прокляты, и нет им прощения. Впрочем, к началу наступательной фазы сражения за Пирот большая часть начальствующего состава эсэсовской дивизии была уже уничтожена артиллерийским огнем и ударами советской авиации. При обстреле дивизионного командного пункта вместе со своим штабом оказался ликвидирован и командир дивизии обергруппенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Артур Флепс, и в ближайшем

будущем подобная судьба ожидает и их подчиненных, включая и подхалимов-хиви из вспомогательного состава.

Историческая справка по военным преступлениям, совершенным солдатами 7-й добровольческой горнопехотной дивизией СС «Принц Ойген».

Дивизия «Принц Ойген» на 91,5 % состоявшая из этнических фольксдойче Югославии, Румынии, Венгрии и Словакии, получила печальную известность в связи с исключительной жестокостью, проявленной ее солдатами к гражданскому населению оккупированных стран. О том, какая участь ждала столкнувшихся с дивизией СС «Принц Евгений», сообщал доктор Душан Неделькович в отчёте югославской Государственной комиссии по расследованию военных преступлений:

«На что бы они ни натыкались – они всё сжигали, всех убивали и грабили. Офицеры и солдаты дивизии СС «Принц Евгений» совершили преступления исключительной жестокости. Жертв убивали, закалывали, пытали или же сжигали живьём в горящих домах. Если жертва попадалась не в собственном доме, а на дороге или в поле вдаль от дома, то её убивали и сжигали там же. Убивали даже матерей с детьми, беременных женщин и стариков. Иными словами, убивали любое гражданское лицо, которое попадалось этим войкам на глаза. Часто бывало, что целые семьи, которые не предвидели такого обращения или не имели времени бежать, оставались в своих домах, и их уничтожали. Целые семьи сжигались прямо в домах. Следствию известны случаи гибели от их рук ста двадцати одного человека, в основном женщин, а также тридцати человек в возрасте от шестидесяти до девяноста двух лет и двадцати девяти детей в возрасте от шести месяцев до четырнадцати лет, которых убили жестокими методами, описанными выше...»

Кроме того, на Нюрнбергском процессе над генералами юго-восточного фронта (Седьмом Нюрнбергском процессе) были установлены следующие факты военных преступлений, совершённых военными служащими 7-й горнопехотной дивизии СС «Принц Ойген»:

11 октября 1942 года 7-я дивизия СС «Принц Ойген» окружила сербскую деревню Крива-Река с восточного склона Копаоника (ныне сербская община Брус), а с 12 по 13 октября уничтожила почти всё гражданское население деревень Крива-Река, Мачковац, Бачевци и Мрамор. От рук эсэсовцев погибли триста двадцать жителей Крива-Реки – мужчин, женщин и детей – и несколько десятков жителей Мачковаца, Бачевцев и Мрамора. По данным югославской Государственной комиссии по расследованию военных преступлений, из трехсот двадцати убитых в Крива-Реке пятнадцать были детьми младше пяти лет; сорок пять жителей Крива-Реки были заперты в церкви, которую потом заминировали немцы. Выжившие в резне говорили, что многих жителей эсэсовцы сжигали заживо в собственных домах, а трупы некоторых людей вывезли в лес. Приказ об уничтожении Крива-Реки отдал гауптштурмфюрер СС Рихард Казерер, командир 1-го батальона 2-го полка 7-й горнопехотной дивизии СС.

В январе-феврале 1943 года, согласно оценкам Института истории Карловаца, солдатами дивизии во время операции «Вайсс I» были убиты двести семьдесят шесть мирных жителей окрестностей Карловаца. Жертвами террора стали также жители деревень в Западной Боснии и на Кордуне – с 20 января были уничтожены вместе с жителями сёла Понорац, Войнич, Велики-Козинац, Доньи-Скрад, Крняк, Велика-Црквина, Горни-Скрад, Крнячки-Грабовац, Бреборница, Будацка-Риека, Велюн, Чатрня, Крстиня, Михольско, Лисине, Клокоч, Доня-Брушоваца, Слуньски-Моравци, Велюнска-Глина, Загорье, Бандино-Село, Црни-Врел, Косерско-Село, Машвина, Липовац, Оштарски-Станови и многие другие. Подавляющее большинство убитых были сербами по национальности, хотя среди жертв резни были и хорваты.

В феврале того же года во время штурма немцами горы Грмеч и находящихся рядом высот Троврх, Тривара, Сувопольски и Яворняча из Подгрмечья бежали около пятнадцать тысяч местных жителей (преимущественно женщины и дети). К 10 февраля около тринадцать

тысяч гражданских лиц сумели выбраться в расположение 2-й и 5-й бригад 4-й Краинской партизанской дивизии. Около двух тысяч гражданских погибли во время штурма (в том числе и от холода). В том же месяце недалеко от Ресановцев во время 2-го этапа операции «Вайс» дивизия совершила нападение на колонну беженцев, в результате были убиты сотни человек. Всего в ходе операции «Вайс» от рук эсэсовцев погибли три тысячи триста семьдесят человек, ещё одна тысяча семьсот двадцать два человека были отправлены в концлагеря. Одним из поводов для массовой расправы над гражданскими стал тот факт, что 9 февраля 1943 года в засаде на дороге Босански-Петровац – Ключ партизанами было убито шестьдесят солдат дивизии «Принц Ойген».

В конце мая – начале июня 1943 года, когда шла операция «Шварц», дивизия отметилась очередной волной насилия против мирных жителей. Так, солдатами дивизии «Принц Евгений» были истреблены все жители деревень Дуб, Буковац, Мильковац, Дуба и Рудинци в районе Пива (Черногория): эсэсовцы не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин. Общее число убитых составило около четырехсот человек.

Уже после провала операции «Шварц», летом 1943 года, дивизия СС «Принц Евгений» сожгла ряд деревень Восточной Боснии. 28 июня на территории современной общины Невесине было сожжено село Дони-Дрежань (тридцать шесть человек погибло), 29 июня на территории той же общины – село Лескови-Дуб (двести восемь человек погибло). 10 июля в деревне Кошутница были расстреляны шестьдесят девять местных жителей (боснийцев) в знак мести за немецкого солдата, убитого днём ранее в стычке с партизанами; среди казнённых было шестнадцать женщин и тридцать семь детей (двадцать одна девочка и шестнадцать мальчиков). 12 июля были уничтожены мусульманские деревни Ротимля (погибло шестьдесят шесть человек, из них двадцать пять – дети младше пятнадцати лет), Кошутница (погибло шестьдесят восемь человек, из которых тридцать шесть – дети младше пятнадцати лет) и Орашье (погибло пятьдесят девять человек). Большая часть убитых мирных жителей была сожжена заживо, а не расстреляна. 9 июля, ещё раньше, в заложники были взяты семнадцать жителей деревень Смртичи и Новосеоци (община Соколац). Их загнали в один из домов сербской деревни Балтичи, а утром следующего дня расстреляли.

Осенью 1943 года в Далмации от рук солдат дивизии СС «Принц Евгений» погибло много гражданских лиц, так или иначе сопротивлявшихся эсэсовцам. Во время боёв за Сплит с 17 по 30 сентября 1943 года солдаты дивизии СС «Принц Евгений» казнили двести тридцать человек – жителей Сплита и деревень Имотски и Синь, а после захвата Сплита казнили сорок восемь итальянских офицеров, среди которых были три генерала – командир артиллерии 18-го корпуса Сальваторе Пеллигра, командир сапёров 18-го корпуса Раффаэле Поликарди и командир 17-й приморской бригады Альфонсо Чигала Фульгози. 2 ноября недалеко от деревни Велика-Бара около Бачины были расстреляны сто семь человек – семьдесят шесть из деревни Бачина, двадцать пять из Чулумы, шесть из Планы и по одному из Перачко-Блато и Барбиры. Среди жертв было сорок человек моложе шестнадцати лет. 5 ноября в Сине были взяты в заложники и расстреляны двадцать пять человек в знак мести за потери дивизии СС в боях.

28 марта 1944 года в результате сожжения двадцати двух деревень погибли две тысячи четырнадцать человек. Часть погибших была убита солдатами дивизии СС «Принц Евгений». Также в промежуток времени с 26 по 30 марта 1944 года недалеко от Сплита солдаты 2-го батальона 14-го полка СС «Скандербег» сожгли ряд деревень между местечками Камешница и Мосор, от рук эсэсовцев погибли одна тысяча пятьсот двадцать пять человек. Приказ на ликвидацию дал командование 5-го корпуса СС. Расследованием преступления занимался генерал НГХ Франьо Шимич, который сообщил Иоахиму фон Риббентропу о разрушении более чем двадцати двух деревень и гибели более тысячи человек – преимущественно этнических хорватов. Значительная часть гражданских лиц была расстреляна в собственных домах, причём выстрелы в этих случаях осуществлялись снаружи дома, а именно – через окна строений.

Министр иностранных дел Хорватии направил в Берлин ноту протеста, но после этого был отстранён от должности.

13 июня 1942 года, утро. Югославия, партизанская Ужицкая республика, город Ужице, Верховный штаб Народно-освободительных партизанских отрядов Югославии.

Командир батальона спецназначения и военный советник НОПОЮ гвардии майор Алексей Пшеничный.

Известие об ударе совместной бронетанковой группировки РККА и славного экспедиционного корпуса под Пиротом и уничтожении мучительницы сербского народа 7-й горно-пехотной дивизии СС «Принц Ойген» привело население Ужицы в невероятное возбуждение. Радостная стрельба в воздух и танцы-хороводы на улицах, как будто уже наступил День Победы, при этом подразумевались сами собой. Сербы – очень эмоциональные люди, и радоваться они умеют так же хорошо, как и горевать.

– Неужели, товарищи-братушки, ваша Красная Армия уже вошла в Сербию⁷ и теперь бьет фашистов уже на нашей земле? – спрашивали меня сербские знакомые.

– Да, – отвечал я, – Красная Армия и российский экспедиционный корпус уже в Сербии, а это значит, что многие, кто в противном случае должен был бы умереть, в том числе и совсем уже безгрешные дети, теперь останутся живы.

Такое мне (и не только мне) приходилось повторять много раз, в ответ выслушивая здравницы в адрес товарищей Сталина и Путина, Красной Армии и всего советского-российского народа. Правда, такие беседы нам приходилось вести только с рядовыми сербами; с руководством Народной Югославской (а по факту Сербской) Республики разговоры шли уже на более серьезном уровне. Минимум эмоций, максимум конкретики.

– Мы очень рады, что советское командование сдержало свое слово и не прошло и месяца, как Красная Армия вступила на территорию Сербии, – сказал временный президент Народной Югославии Благое Нешкович. – И с Болгарией тоже получилось все так, как вы сказали. Раз – и из врага болгарская армия стала нашим союзником...

– Вот только год назад болгары вместе с Македонией аннексировали у нас, сербов, Пирот и его окрестности, – добавил его заместитель и министр финансов Сретен Жуйович, – и теперь нам неясна дальнейшая судьба этих территорий...

Генерал Бирюзов терпеливо ответил:

– Как мы вам и говорили, вопрос того, кто они – сербы или болгары – жители Пирота должны самостоятельно решить во время плебисцита, который будет проведен сразу, как только позволят обстоятельства.

Полковник Мальцев добавил:

– Насколько нам известно, эсэсовцы из дивизии «Принц Ойген» с одинаковым равнодушием убивали местных жителей без различия их национальности – так стоит ли нам, коммунистам-интернационалистам, придавать такое большое значение именно национальной принадлежности ваших товарищей? Мы уже не раз говорили вам, что если вы потащите в рот куски чужих земель, то получите все то же, что и в нашей истории, и, может, даже хуже. Нам ли не знать, что среди ваших товарищей есть мечтатели, которые хотят создать Великую Югославию – в дополнение к тому, что было при королевском режиме – натаскав куски от Италии и Австрии, присоединив по половине Венгрии, Румынии и Греции, а также целиком Болгарию и Албанию. Как я понимаю, кое-кому застит глаза лоскутная Австро-Венгерская держава Габсбургов, рассыпавшаяся на отдельные части после завершения Первой Мировой Войны.

⁷ Сербы числят Пирот сербским городом, считая нынешних его болгарских хозяев временными оккупантами.

– Да, так и есть, – с достоинством ответил Благое Нешкович, – такие товарищи среди нас имеются. И это ни плохо, ни хорошо. Нам кажется, что стремление к объединяющему началу является явлением благотворным, а не наоборот. Нам лишь непонятно, товарищ Мальцев, почему в вашем мире Югославия долго не распалась, а потом все-таки распалась, и почему это случилось именно в начале девяностых годов, а не раньше и не позже? Я прочел книги по вашей истории, которые вы мне дали, но так и не понял, по какой причине люди, ранее объединенные в общее государство южных славян, вдруг захотели жить отдельными государствами. И даже, более того, из-за этого желания они стали совершать зверства, которые и не снились германским нацистам...

– Я, конечно, не историк, – ответил полковник Мальцев, – а потому могу объяснить эти причины так, как понимаю их сам. Начнем с того, что ядром вашей Югославии стало сербское государство в том виде, в каком оно образовалось в ходе борьбы за независимость вашего народа от турецких захватчиков. Население тогдашней Сербии было этнически однородным, к тому же в нее входило менее половины всех земель, населенных сербским народом.

– Все верно, – подтвердил Благое Нешкович, – но только я не понимаю, какое отношение этот факт имеет к распаду Социалистической Федеративной Республики Югославия из вашего мира.

– Отношение самое прямое, – со вздохом ответил Андрей Сергеевич, – чтобы маленькое мононациональное государство превратилось в многонациональную империю, необходимо соблюдение трех условий. Во-первых – наличие у государствообразующего этноса экспансионистского потенциала. Во-вторых – наличие у правящей элиты этого государства уникальной объединяющей идеи, под флагом которой будет проходить расширение его территории. В-третьих – запас времени в несколько столетий, дабы это расширение проходило поэтапно, после поглощения и полной ассимиляции предыдущих территориальных приобретений. Так росли все империи-гиганты в мире: от римской до последней, германской, и российская в том числе. Начнем с экспансионистского потенциала, и увидим, что у сербского этноса как такового его просто нет. Вы, сербы, от седой древности и до наших дней привыкли находиться в глухой обороне, защищаясь от поползновений сильных соседей: австрийцев, венгров и турок, и ни о какой экспансии у вас не шло даже и речи. Более того, за время турецкого ига вы потеряли контроль за сердцем своей страны – Косовским краем, который был постепенно заселен албанцами. О каком экспансионистском потенциале можно говорить в такой ситуации?

– Да, – с серьезным видом подтвердил начальник главного штаба народно-освободительной армии Арсо Йованович, – мы, сербы и черногорцы, очень не любим менять место жительства, и делаем это только перед лицом всеобщего уничтожения, ради спасения своих жизней и жизней своих детей. А вы, товарищи политики, лучше помолчите. Товарищ Мальцев говорит вам в глаза неприятные вещи, но все его слова – правда. У нас просто нет лишних людей для того, чтобы заселять ими огромные имперские пространства, как это сделали русские, расселившиеся по континенту до самого Тихого океана. И идеи, по которым предполагалось строить Великую Югославскую Империю, у наших интеллигентов и приблизивших их к себе правителей были книжными, вторичными, украденными частью у русских, а частью у итальянцев. И даже это, чужое, они не смогли применить правильно, не понимая, что у Сербии просто отсутствует возможность расширения и по итальянскому, и по русскому образцу. Итальянцы, несмотря на то, что апулиец или сицилиец едва поймет туринца или венецианца, все же чувствуют себя единым народом, и чувствовали это даже тогда, когда никакой Италии еще не было, а вот хорваты, македонцы, словенцы и бошняки никогда не будут считать себя сербами или там югославами...

– Югославами в конце существования единой страны считало себя ничтожное меньшинство, родившееся от смешанных браков, что-то около пяти-семи процентов, – сказал полковник Мальцев. – И когда начался распад, они оказались самыми несчастными людьми.

– Вот-вот, – сказал Арсо Йованович, – именно так. Нет у нас и огромных пустых пространств под боком, а также миллионов людей, готовых сняться с места жительства и идти навстречу восходящему солнцу осваивать новые земли. Нет у нас и нескольких столетий для того, чтобы вырастить таких людей, ибо строить Великую Югославию наши мечтатели хотят здесь и сейчас. Такую страну можно создать железом и кровью, как это сделали римские легионы, объединившие вокруг небольшого италийского города почти все земли Средиземноморья, но у нас нет такого количества солдат, чтобы проделать такой же трюк. А если мы попытаемся, то уже через поколение упадем обессиленные – и тогда все, что было завоевано огромным количеством жертв, снова попадет в руки наших врагов.

– Но все же я не понимаю, – сказал Благое Нешкович, – какой фактор до определенного момента мешал разрушению единой страны, а потом вдруг перестал действовать, и она распалась на составляющие... Как врач я считаю, что нужно не только знать симптомы болезни, но также ее причину. А иначе может случиться так, что то же явление захватит и ту Целокупную Сербию, которую вы советуете нам создать вместо прежней Югославии.

– Этого фактора у вас больше нет, – с мрачным видом ответил полковник Мальцев, – и имя ему было – Иосип Броз Тито, это маленький Наполеон, оседлавший коммунистическое движение в Югославии, отколовший его от основного потока социалистических государств, руководимого Советским Союзом, и фактически создавший эту страну под себя, под свою харизму и волю. Единственный президент-император за всю историю Социалистической Югославии, вождь и учитель, построивший идеологию третьего пути – неприсоединения ни к буржуазному Западу, ни к социалистическому Востоку, руководимому СССР – а внутри страны балансирующий между сербскими и несербскими элементами. Как только этот человек умер, слепленная по его лекалам страна сразу стала нежизнеспособной и смогла просуществовать лишь чуть больше десяти лет...

– А еще тому самому буржуазному Западу был крайне выгоден раскол в мировом социалистическом движении, – добавил я, – и распад вашей Югославии очень странно последовал за распадом Советского Союза, когда для наших врагов отпала надобность в поддержании ее существования. Лично для меня нет никакого сомнения, что хорватов, словенцев и бошняков, ставших инициаторами разрушительных процессов, прямо направили к тому, чтобы они восстали и устроили Гражданскую войну, перешедшую в очередной геноцид сербского народа. И зря вы, товарищ Нешкович, говорите, что даже нацисты не совершали таких преступлений, какие тогда творили хорваты и бошняки. Просто сербский народ в вашем мире оказался избавлен от большей части тех зверств, которые он пережил в нашем прошлом. И, пожалуйста, не надо смотреть с надеждой в сторону так называемых «цивилизованных стран: Франции, Англии и США. На самом деле своим поведением этот коллективный Запад показал, что и вы, сербы, и мы, русские, и много кто еще для этих деятелей ничем не лучше американских индейцев, которых они в свое время истребили без всяких сомнений. Если мы будем едины, то ничего они с нами не сделают, зубы обломают, а если разбежимся по отдельным национальным квартирам, то сожрут нас поодиночке и не поморщатся.

– Да, друг мой Алексей, – сказал Арсо Йованович, с чувством пожимая мне руку, – так оно и есть. Вы правы, а те товарищи, которые думают, что у нас есть какой-то отдельный путь, жестоко ошибаются. Нас, черногорцев, перед лицом окружающего мира – всего лишь маленькая горсточка, и мы особо остро чувствуем, насколько мы перед ним одиноки. Но ответить на этот вопрос – вместе мы с русскими или каждый по отдельности – сможет только весь наш народ на еще одном Великом Плебисците, который может случиться лишь после войны. Поэтому, товарищи, давайте закончим с политическими прениями и перейдем к практическим вопросам тактики и стратегии.

– Возможно, вы и правы, а мы ошибаемся, – как бы нехотя сказал Благое Нешкович, – в любом случае прав товарищ Йованович, сказав, что вопрос присоединения к Советскому Союзу должен решать сам сербский народ на плебисците...

Сретен Жуйович, второй человек в партии и временном правительстве после Благое Нешковича, утвердительно кивнул в знак своего согласия с вышесказанным.

А вот Тито с Ранковичем, наверное, сейчас уже упирались бы всеми четырьмя копытами. Ведь, в отличие от сидящих здесь двух сербов и одного черногорца, эти деятели хорватского происхождения не чувствовали никакого родства с русским народом, первым в мире воплотившим идею социально справедливого государства. К тому же они оба – и Благое Нешкович и Сретен Жуйович – не являются лидерами первого прядка, потенциальными Верховными Главнокомандующими и чисто инстинктивно ищут широкую спину вождя, за которой можно было бы укрыться от всех мировых бед. После того как случайные обстоятельства или подковерные политические игры забрали у них Тито, они волей-неволей убедят себя, что в единстве – наше спасение, после чего без дополнительного принуждения встроятся в советскую партийно-государственную пирамиду. При этом Арсо Йовановичу, в старой югославской армии имевшему звание капитана первого класса, теперь светит титул маршала Победы, что поставит его в один ряд с Жуковым и Рокоссовским...

– Что касается вопросов тактики и стратегии, – сказал генерал Бирюзов, – то надо понимать, что Красная Армия вышла к вашим границам только одним своим механизированным соединением, проделавшим марш в восемьсот километров через Румынию и Болгарию. Тылы подвижной группы катастрофически отстали, нормальное железнодорожное сообщение через Румынию еще не налажено. Бензовозы слили в баки боевых машин остатки топлива и ушли в Варну заправляться с танкеров. Такое же положение с боеприпасами после сражения за Пирот: в машинах имеется только возимый запас. К тому же до подтягивания стрелковых дивизий, разгружающихся с пароходов в Варне и Бургасе, и развертывания их в боевой порядок нужна как минимум неделя. Продолжение наступления на Белград в таких условиях выглядит как минимум авантюрой...

Кстати, по поводу Сергея Семеновича я ошибся. Товарищ Сталин выставил на Балканы по-настоящему первоклассную фигуру, и должность комфронта при таком соседстве генералу Бирюзову уже не светит. Пойдет он у нас, скорее всего, по военно-дипломатической линии, как связующее звено между советским и югославским командованием.

– Так, значит, освобождение наших югославских земель снова откладывается? – с некоторым разочарованием спросил Арсо Йованович, по сути и являющийся тем самым югославским командованием, которое товарищу Бирюзову предстоит теперь окормлять до самого конца Балканской операции.

– Если и откладывается, то ненадолго, – отрезал генерал Бирюзов. – К тому же при этом вы, югославские коммунисты, тоже не должны сидеть сложа руки. Сейчас необходимо всеми силами атаковать тылы немецких дивизий, пытающихся через Македонию прорваться на выручку своим войскам, заблокированным в Греции. В ближайшее время они прекратят атаки, ибо им уже некого будет спасать, и начнут отход на север. Этому надо мешать всеми возможными средствами. Эти дивизии либо вовсе не должны иметь возможности отойти в Белград, либо они должны достичь его, потеряв по пути всю технику и тяжелое вооружение, а также понеся значительные потери в личном составе. В этом вам также окажет помощь наша авиация, которая в ближайшие дни непосредственно возьмет под свой контроль небо над Сербией. И только потом, когда враг значительно ослабнет, а Красная Армия подойдет к вашей столице с юга и востока, можно думать о полном освобождении вашей земли, и проделывать это следует совместными усилиями Красной Армии и ваших партизан.

Полковник Мальцев сказал:

– Было бы полезно издать воззвание от лица Антифашистского веча народного освобождения Югославии ко всем офицерам и солдатам старой югославской армии, еще не присоединившимся к вашей борьбе с немецкими захватчиками, и сделать это нужно как можно скорее, поскольку в противном случае после полного освобождения страны они будут считаться дезертирами. Власть вы здесь, в конце концов, или нет?

– Да, – сказал генерал Бирюзов, – таким образом вы можете пополнить свои отряды кадровыми специалистами, и в то же время изрядно проредить число сторонников покойного Драже Михайловича и генерала Недича, чертова гитлеролюбца, который уже, наверное, мечется, ища в своем кабинете пятый угол. Его так называемая власть в скором времени начнет разбегаться, и нам необходимо сделать так, чтобы это происходило в правильном направлении. При оккупантах и их главных пособниках должны остаться только неисправимые персонажи, запятнавшие себя тяжелыми преступлениями, которым нет прощения ни при каких условиях.

– Хорошо, товарищи, – ответил Благое Нешкович, – чтобы приблизить освобождение нашей земли, мы предпримем большое партизанское наступление, сосредоточив основные силы в Южной и Центральной Сербии. Товарищ Йованович подготовит все необходимые приказы, а мы, как законное политическое руководство, обратимся ко всем гражданам Югославии помочь нам в этой борьбе. Красная Армия уже стоит на пороге Сербии, и нам было бы стыдно, если бы наша судьба решалась без нас самих.

15 июня 1942 года, полдень. Югославия, Белград, Савски Венац, улица Неманина, дом 11, коллаборационистское марионеточное правительство «национального спасения».

Присутствуют:

Премьер-министр генерал Милан Недич;

младший брат премьер-министра генерал Милутин Недич (только что выпущен из плена);

экс-кронпринц, а ныне частное лицо, Георгий Карагеоргиевич (55 лет).

Если под потолком кабинета Сталина в Кремле незримо парит древнегреческая богиня Ника и ветер от ее крыл поднимает бурю, сметающую в небытие целые царства, то тут, в Белграде, в кабинете премьер-министра марионеточного прогерманского правительства прочно прописались навевающие ужас Эриннии, грозя страшными карами изменникам, позабывшим о долге перед родной землей. Впрочем, изменник тут пока один. Год назад, приняв предложение оккупационных властей возглавить коллаборационистское правительство оккупированной Сербии, генерал Милан Недич заявил по белградскому радио, что делает это ради спасения сербского народа. Но потом все у него пошло наперекосяк. Сербский народ в своей основной массе пошел не за сотрудничающими с немцами коллаборационистами, и даже не за верными эмигрировавшему королю четниками капитана Драже Михайловича, а за коммунистическими вождями, что возглавляли партизанские отряды, возникшие в лесистых сербских горах.

В сербской добровольческой команде, которая в нашей истории в итоге вошла в ряды формирований СС – четыре тысячи добровольных пособников нацистов. В сербской государственной страже – семнадцать тысяч жандармов и полицейских. В равногорском движении (югославской армии на Родине) покойного капитана Драже Михайловича – пятьдесят тысяч бойцов, а численность красных партизан – двести пятьдесят тысяч злых, мотивированных и стойких борцов за свободу своей земли и за дело Ленина-Сталина. Эти двести пятьдесят тысяч не просто числятся на бумаге. Они прекрасно вооружены и оснащены, превосходно мотивированы, а еще их воодушевляет то, что Красная Армия стоит уже на пороге Сербии. И не она одна. Экспедиционный корпус России из будущего тоже участвует в боях на стороне коммунистов, и для многих сербов из числа колеблющихся или просто настроенных скептически по отношению к коммунистам этот факт имеет решающее значение.

При непосредственном боевом контакте с «марсианами» добровольные помощники нацистов будут истреблены до последнего человека – так же, как уже были уничтожены эсэсовцы из дивизии «Принц Ойген»; жандармы из «государственной стражи», едва их завидев, разбегутся кто куда, четники Михайловича не задумываясь перейдут на сторону русских из будущего или даже Советского Союза, а коммунистические партизаны встретят части Красной Армии и российского экспедиционного корпуса цветами и объятиями. Для них они «свои». Гибель от рук немцев основателя четнического движения и последовавшая за ней смерть короля Петра Второго в далеком Египте основательно подкосили некоммунистическое сопротивление немцам. Меньшая часть четников начала дрейфовать в направлении пронацистского вождя Косты Печенаца, а большая – иногда поодиночке, а иногда целыми отрядами – стала переходить на сторону красных... Усилилось дезертирство и в «государственной страже»: кто-то переходит на сторону «красных», а кто-то попросту ложится на дно, надеясь пересидеть трудные годы в подполье.

К тому же, напоминая о мощи пришельцев, над Сербией вообще и над Белградом в частности время от времени пролетают огромные четырехмоторные самолеты, которых нет и не может быть в военной авиации ни одной страны этого мира. Иногда они сбрасывают в парашютных мешках оружие и боеприпасы красным партизанам в Югославии и Италии, а иногда (очень метко) – бомбы неприятно крупного калибра на головы тех деятелей, которые не нравятся большевистскому вождю господину Сталину. Палача сербского народа германского генерала Франца Беме, оставшегося «на хозяйстве» после того, как фельдмаршала Листа отозвали на Восточный фронт, русские из будущего уничтожили вместе со всем его штабом как раз такой бомбой. Тяжкий грохот взрыва, от которого жалобно зазвенели оконные стекла, слышал весь Белград, а огромное грибовидное облако дыма и пыли, поднявшееся над местом взрыва, можно было наблюдать с большого расстояния.

Как раз в тот момент генерал Недич и понял, что и его жизнь может подойти к концу так же внезапно и неотвратимо – когда в Кремле решат, что существование коллаборационистского правительства в Белграде начинает активно мешать советско-российским планам. И это момент явно не за горами. Красная Армия вплотную подошла к границам Сербии. Только что ее передовые подразделения играючи помогли отбить попытку немецкого наступления на Софию, и теперь на фронте установилось пугающее затишье, через некоторое время готовое взорваться новым наступлением. Премьер-коллаборационист и сам был не без военных талантов, поэтому понимал, что с момента открытия Врат Третий Рейх проиграл войну за существование, и теперь его ждет неминуемый крах.

Конечно, на самом деле Врата не были и не могли быть причиной разгрома германской военной машины; проникший через них экспедиционный корпус только ускорил и направил этот процесс. Настоящих причин неизбежной гибели Третьего Рейха было несколько: стойкость советского солдата, яростное сопротивление которого в несколько раз превысило нормы, заложенные в план «Барбаросса», невозможность для Германии сколь-нибудь длительной войны на два фронта, а также практикуемая Гитлером и Ко человеконенавистническая идеология национал-социализма – претворение в жизнь ее постулатов ослабляло саму Германию и максимально увеличивало сопротивление ее экспансии.

Но такие соображения Милану Недичу в голову не приходили, в противном случае он просто никогда не пошел бы на службу к немецким оккупантам. Вместо того он был обеспокоен собственной судьбой, а также задавался вопросом, что будет с Сербией после того, как Красная Армия и народно-освободительные партизанские отряды окончательно очистят ее территорию от оккупантов и коллаборационистов. В том, что его личная судьба будет печальной, премьер-коллаборационист не сомневался. Все его попытки навести негласные контакты по ту сторону фронта и банально подстелить соломки натыкались на глухую стену неприятия. Конечно, у генерала Недича были связи с людьми покойного капитана Драже Михайловича,

через которых можно было попытаться выйти на британцев, но он сомневался, что в данных условиях мнение островитян будет иметь хоть какое-либо значение. Они ведь с русскими не союзники, а попутчики, причем каждый из них себе на уме.

И вот – еще один удар. Совсем недавно из германского плена (по просьбе самого Милана Недича) отпустили его младшего брата Милутина... Перед своим возвращением в Белград он имел беседу с неназванным им высокопоставленным представителем Германского руководства (*Гейдрихом*), сообщившим брату премьер-коллорациониста, что германское командование рассматривает территорию южнее реки Сава как стратегическое предполье и не планирует ее упорную оборону. В целях своей защиты от югославских партизан и Красной Армии режим генерала Недича, мол, должен обходиться собственными силами. Исключение можно сделать только для Белграда, который должен превратиться в ловушку для советско-российских войск. Опцию «ожесточенное оборонительное сражение в крупном европейском городе» в этом мире еще никто не пробовал. Смоленск, где прошлой осенью в полном окружении дралась 9-я армия генерала Штрауса, по сравнению с Белградом – большая деревня. Причиной такого авангардизма, нехотя проявленного Гальдером, являлся хронический дефицит боеспособных войск и нежелание растрачивать этот ценный ресурс на оборону территорий с враждебным населением.

По мнению немецких генералов, по-настоящему стойко требуется защищать только Хорватию, Венгрию и сам Рейх, где местное население будет поддерживать вермахт, а не вставлять ему палки в колеса. С одной стороны, Милан Недич понимал резоны отдавших такой приказ германских генералов, а с другой, противился этому решению изо всех сил, ведь оно отдавало почти всю Сербию под власть коммунистов и их покровителей, а столицу государства обрекало на разгром и уничтожение. Как монархист и великодержавный сербский националист, Недич не хотел своему народу судьбы быть смолотым в жерновах истории между Советским Союзом и гитлеровской Германией.

Дополнительно эта ситуация усугубляется еще и тем, что попытка прорыва группировки вермахта в Греции на соединение с оккупационными войсками в Югославии потерпела неудачу. Совместная советско-российская подвижная группировка наехала на рвущихся к спасению немецких зольдатенов гусеницами своих танков, отчего те все как один нечаянно умерли. Вермахт в результате этого сражения еще более ослаб, а вторая подвижная группировка русских из будущего и большевиков после завершения этой работы в самом ближайшем будущем должна выйти в район Скопье-Куманово и составить пару соединению, которое под Пиротом недавно разгромило и полностью уничтожило дивизию СС «Принц Ойген».

После того как Красная Армия на сербском направлении двумя клиньями перейдет в решающее наступление, предпринимать что-то будет поздно, поэтому премьер-коллорационист уже сейчас мечется ошпаренной кошкой, желая добыть своему режиму хоть немножечко легитимности, не завязанной на немецкие оккупационные войска. Именно с этой целью в его кабинете и находится экс-кронпринц Георгий Карагеоргиевич – истинный наследник своего отца, отстраненный от власти путем грязных манипуляций. Год назад он уже посылал пешим эротическим маршрутом представителей германского командования, пожелавших сделать его марионеточным прогерманским сербским королем. Потом в то же место пошли и посланцы сторонников покойного капитана Драже Михайловича, предложившие опальному принцу сомнительное счастье стать проанглийской марионеткой.

И сейчас на лице этого пожилого, измученного невзгодами человека написано упрямо-унылое выражение: мол, ну что, опять эти двое будут звать меня на трон, чтобы использовать как ширму для своих грязных дел?

И он не ошибся. С первой же минуты встречи премьер-коллорационист стал канючить, чтобы Георгий Карагеоргиевич принял на себя обязанности сербского короля.

– Ваше королевское высочество, – вкрадчиво говорил он, – в условиях непрерывного нарастания красной угрозы Сербии как воздух необходима сильная легитимная королевская

власть, а вы – единственный оставшийся в живых потомок по прямой мужской линии своего отца короля Петра Первого Карагеоргиевича...

– Поймите, господин Недич, – с саркастической улыбкой ответил экс-принц, – красные – это единственная политическая сила, которая не звала меня на мнимый королевский трон, а посему я склонен доверять коммунистам даже больше, чем остальным. Я и раньше не очень-то стремился к власти, потому что воочию наблюдал трагедию своего несчастного отца, превращенного в марионетку небезызвестным господином Дмитриевичем и его поделщиками из «Черной руки». Сейчас, после длительных мучений, желание держаться подальше от отравленных несовых одежд у меня только окрепло. Поэтому – нет, нет и еще раз нет. Поищите на роль смешного паяца еще какого-нибудь чудака. Например, моего двоюродного брата Павла. Хотя и он, наверное, тоже откажется от предложенной вами «чести».

– Вот видишь, Милан, – вздохнул Милутин Недич, относившийся к коллаборационизму своего старшего брата с изрядным скепсисом, – я же тебе говорил, что королевич Джорджи настолько твердолюб, что способен переупрямить трех ослов. Кроме того, сейчас право говорить от лица сербского народа, хочешь ты того или нет, перешло к коммунистам, а это значит, что для любого представителя династии принять трон из твоих рук – значит замараться сотрудничеством с врагами нашего народа, то есть тем же грехом, что лежит и на тебе...

– Я же говорил вам обоим, что совершенно не стремлюсь к власти, – упрямо произнес Георгий Карагеоргиевич. – Но в последнем своем утверждении вы совершенно правы, потому что определенное ощущение гадливости от присутствия в этом кабинете у меня имеется. Для любого честного серба вы, господин Недич, некто вроде прокаженного, прикосновение к которому сулит неосторожному человеку неисчислимые беды.

– Ну хорошо, ваше королевское высочество! – всплеснул руками премьер-коллаборационист, – не хотите быть королем, так и не надо. Хотя это все осложняет, попробуем обойтись как-нибудь без вас. Единственное, о чем мы хотим попросить вас ради блага сербского народа и государства, это быть нашим послом в Ужице. Кто как не вы, с вашим нейтральным отношением к коммунистам, способен хотя бы попробовать договориться о сотрудничестве в условиях, когда немецкая армия намерена оставить большую часть сербской территории при минимальном сопротивлении и только в Белграде собирается дать русским сражение, которое должно дотла разрушить и разорить нашу столицу! Предотвратить такой сценарий, как мне кажется, долг каждого честно серба, и я надеюсь, что вы за это возьметесь, несмотря на всю ту гадливость, которую вам внушает мое существование.

– Что вы намереваетесь предотвратить, господин Недич? – с нескрываемым сарказмом спросил Георгий Карагеоргиевич, – отступление немцев из Сербии или разрушение Белграда?

– Первое предотвратить невозможно, да и не нужно, – ответил Милан Недич, – а вот сохранить в целостности и сохранности нашу столицу, и так уже изрядно пострадавшую во время германского вторжения, было бы желательно, и даже необходимо. В решающий момент мы могли бы выйти из повиновения германского командования и отдать приказ сербской государственной страже атаковать и разоружить германские части в Белграде и окрестностях. Взамен мы хотим амнистии для себя и сотрудников своей администрации, а также предотвращения бессудных арестов и казней сербских патриотов, на которые так горазды прокоммунистические повстанцы.

Опальный принц усмехнулся и произнес:

– Сербскими патриотами вы называете оглоедов из движения ЗБОР, которое настолько маргинально, что по всей Сербии у него нашлось лишь несколько тысяч сторонников? Если мне не изменяет память, именно головорезы из добровольческой команды военизированного крыла этого движения с вашего собственного благоволения без суда и следствия вешают всех заподозренных в сочувствии коммунистическим партизанам. И я не удивляюсь, что те, в свою очередь, отвечают вашим «патриотам» столь же пылкой любовью.

– Ладно-ладно! – замахал руками премьер-коллорабонационист, – господ Летича, Мушицкого и их сподвижников можно вывести за скобки предполагаемого соглашения с красными партизанами. От этого оно совершенно не пострадает. Говоря о патриотах, я имел в виду других, куда более солидных людей, ничем не запятнавших себя перед сербским народом и не замешанных ни в чем предосудительном...

– Ну хорошо, – сказал Георгий Карагеоргиевич, – предположим, что я согласился быть вашим послом. Теперь скажите, как вы собираетесь все это проверить, ведь не могу же я просто так явиться в Ужицу – мол, вот он, я принц Георгий Карагеоргиевич, прибывший с посланием от предателя сербского народа господин Недича. Пожалуй, за такое предложение меня там просто побьют, или даже расстреляют без суда и следствия.

– Вы боитесь? – удивленно спросил молчавший до того Милутин Недич. – А говорили, что у принца Джорджи железные нервы и он не боится ни Бога, ни черта...

– Какой вздор, Милутин! – воскликнул Георгий. – После того, что со мной проделал мой братец, мне все равно, расстреляют меня или нет. В моем существовании были моменты, когда я молил о смерти, и лишь страх быть проклятым навечно удерживал меня от того, чтобы я сам наложил на себя руки. Просто если меня расстреляют без суда и следствия, то я не смогу выполнить миссию, которую сам взвалил на свои плечи.

– Я думаю, что вас не расстреляют, – сказал генерал Недич-старший, – потому что вместе с вами в качестве жеста доброй воли мы освободим и отправим в Ужицу несколько человек, арестованных жандармерией за помощь партизанам. Жандармский конвой доставит вас до городка Горни Милонавац, откуда вы уже поедете сами под белым флагом до первых партизанских постов у городка Чачак. Ну а дальше, ваше королевское высочество, все зависит только от вас. Слухи о кровожадности партизан сильно преувеличены. И мы очень надеемся, что вы сумеете с ними договориться.

– В таком случае я окончательно согласен, – сказал Георгий Карагеоргиевич. – И давайте приступим ко всему этому как можно скорее, чтобы не тратить зря время.

17 июня 1942 года, утро. Югославия, партизанская Ужицкая республика, город Ужице, Верховный штаб Народно-освободительных партизанских отрядов Югославии.

Командир батальона спецназначения и военный советник НОПОЮ гвардии майор Алексей Пшеничный.

Здравствуйте, говорит он нам, я ваша тетя, то есть дядя, то есть принц датский, точнее, сербский, и вовсе даже не Гамлет, а Георгий Карагеоргиевич... Шутка. А кроме шуток, по поводу этого человека меня просветил Андрей Сергеевич (полковник Мальцев). Мол, это рыцарь печального образа, жертва дворцовых интриг и трагический персонаж сербской истории, чуть ли не железная маска местного разлива. Это ж какой гнидой должен быть его младший брат Александр, чтобы ради власти сотворить эдакое с самым близким себе по крови человеком? Хотя разве лучше, когда подобным способом через списание в психушку неудобного родственника делят не царства-королевства, а «убитую» двушку в Москве? Не знаю, не знаю...

А так, если присмотреться к Георгию повнимательнее, то получается забавный дядька в возрасте «за пятьдесят». Человек, видно по всему, вполне положительный, даже несмотря на то, что прибыл он сюда, в Ужицу, по поручению генерала Недича, главного местного мальчиш-плохиша, прислуживающего нацистам. И ведь не один прибыл, а за рулем грузовика, в кузов которого битком были набиты гражданские, арестованные сербской жандармерией за сочувствие партизанам. Сплошные бабы да ребятишки, и лишь пара худосочных подростков. Такой вот «подарок» к переговорам сделал нам мальчиш-плохиш, торговец живыми людьми.

Но принц Георгий (сам он называет себя бывшим принцем) в этом не виноват: ему что дали, на том он и приехал.

И тут же к этому приезду набежал весь партизанский бомонд. Хотя чего там было набегать, ведь сопровождающий, которого Георгию дали на партизанском блокпосту, указал дорогу прямо к дверям главного партизанского штаба. Наивные, блин, сербские мальчишки. Но ругать их за такое простодушие у нас уже нет сил. Первым выскочил Благое Нешкович, за ним появились Арсо Йованович, Пеко Дапчевич и наша военная миссия. Операции партизан «ужалил-убежал» против медленно отступающих из Македонии немецких дивизий были в разгаре, и мы как раз решали, где мы в следующий раз сделаем больно этим поганцам.

Увидав нас с товарищем Бирюзовым, принц Георгий на архаичном, но вполне понятном русском языке сказал:

– Я хотел донести до вас такую простую мысль, что генерал Недич понимает, что германской оккупации настали последние дни, и это его очень пугает. Он не хочет висеть в петле по приговору международного трибунала, как об этом говорят по вашему московскому радио, и потому ищет способ, как бы перепрыгнуть на другой берег и не замочить при этом ног. Цена вопроса – судьба Сербии и его собственная голова.

– Хорошо, – не торопясь ответил Благое Нешкович, – это мы поняли. А теперь расскажите, каков ваш интерес в этом деле.

– Мой интерес – это спасти как можно больше сербских жизней! – мгновенно вспыхнув, произнес принц Георгий. – А потом вы можете меня расстрелять, как расстреляли мужа моей сестры. Своей жизнью я уж точно не дорожу... – Глаза его сверкали, и на щеках выступил румянец.

– Ша! – сказал генерал Бирюзов, – никто никого расстреливать не будет, тем более что лично вы, Георгий, насколько мне известно, перед народом Сербии еще ничем не провинились. А теперь давайте закончим этот митинг, пройдем в штаб, и там вы нам по порядку расскажете, что и откуда взялось, и почему этот ваш господин Недич вдруг так шустро начал суетиться, несмотря на то, что все последнее время он старался делать вид, что все нормально и власть нацистов крепка.

– Понимаете, – сказал Георгий, – немцы уходят...

– То, что в итоге Германия потерпит поражение, было понятно уже давно, – сказал Арсо Йованович, – но господин Недич прислал вас для переговоров только сейчас...

Принц Георгий меланхолично пожал плечами и сказал:

– Я думаю, что прежде генерал Недич через людей покойного Драже Михайловича планировал договориться с англичанами и отдать им Сербию на блюдечке, не пустив сюда русские войска. Это изначально была дурацкая затея, а в последнее время выяснилось, что вот этих господ, – (кивок в нашу с полковником Мальцевым сторону), – жирный лондонский боров боится даже больше, чем Гитлера. Германские нацисты – это свое собственное, вполне привычное зло – скорее, конкуренты, чем смертельные враги. Зато вы непонятны, могущественны и непредсказуемы, и никто не знает, какой британский демарш может вызвать ваше неудовольствие на грани развязывания войны. К тому же у них очень тяжелое положение в других местах, и, видимо, Черчилль не хочет рисковать.

– Одним словом, англичане сами сняли свою кандидатуру... – сказал Благое Нешкович, уже позабывший про свою первоначальную настороженность.

– Именно так, – кивнул принц Георгий, – тем более что люди Драже Михайловича, как выяснилось, не представляют никого, кроме себя. Поверьте, делать важный вид при полном отсутствии содержания они умеют хорошо. Но это еще не все. Недавно из германского плена отпустили его младшего брата Милутина, и тот привез с собой невеселую новость. Немцы за Сербию воевать не будут, оборона планируется только по реке Сава, и основной силой, которая будет противостоять советской Красной Армии и нашим партизанам, будет хорватский домо-

бран. Лишних войск у Гитлера для обороны Сербии нет, а из итальянцев вояки сами знаете какие.

– Не вижу особых причин для паники, – скептически хмыкнул полковник Мальцев. – Этот ваш Недич в любой момент может сдать дела, уехать в Швейцарию, оттуда, огородами через Виши, просочиться в Испанию, сесть на пароход и уехать, например, в Аргентину. А что, в нашем прошлом многие так делали...

– Генерал Недич – сволочь, гад, мерзавец и предатель! – разгорячившись, произнес Георгий, – но он настоящий серб, которому жизнь без родины не нужна. Он уже сделал свою ставку, крупно ошибся, и проиграл все, что имел: страну, честное имя, репутацию и будущее.

Полковник Мальцев сказал:

– В нашем прошлом, когда Германия уже была разгромлена и англичане отказались принимать к себе сербских беглецов, за исключением королевского семейства, оба Недича – и Милан, и Милутин – покончили с собой, ибо им грозила выдача обратно в Югославию, суд Военного Трибунала и последующее повешение.

– Вот, я же говорил, что генерал Недич не хочет быть повешенным, – грустно усмехнувшись, произнес Георгий. – Кроме того, отступая из Сербии, немцы хотят дать грандиозное сражение за Белград, которое должно полностью разрушить сербскую столицу.

– А разве у них есть силы для такого сражения? – удивился Арсо Йованович. – Дивизию «Принц Ойген» русские танки вдавили в землю еще в сражении под Пиротом, а те войска, которые вразнобой отступают из Македонии, мы вряд ли допустим до Белграда в хоть сколь-нибудь боеспособном состоянии. Неужто со штыками наперевес против Красной Армии пойдут жандармы из государственной стражи?

Принц Георгий ответил:

– Нам стало известно, что для боев в Белграде планируется использовать мусульманские добровольческие батальоны из состава недосформированной дивизии «Ханджар» и хорватский домобран. Им пообещают возможность отступить, введут в город и взорвут за их спинами мосты, чтобы превратить усташей и бошняков в загнанных в угол диких животных. Сражаясь за свою жизнь как крысы против терьера, эти бандиты способны уничтожить большую часть Белграда вместе с населением. И руки у немцев при этом останутся чистыми, а удары возмездия за гибель мирного населения, о которых непрерывно говорит московское радио, вам придется направлять по Загребу и Сараево, а не по Германии...

– Так-так, а вот об этом-то мы и не знали... – сказал генерал Бирюзов, потерев подбородок. – Спасибо вам, товарищ Георгий. Просветили. И все же интересно, кто же это у нас там такой умный прорезался, и в то же время беспринципный? Раньше за Гитлером такая тонкость ходов не наблюдалась...

Принц Георгий торопливо сказал:

– Генерал Недич, на условиях прощения его грехов и гарантии отсутствия репрессий против близких ему людей, предлагает выйти из повиновения германскому командованию, заблаговременно захватить и взорвать мосты, оставив домобран на хорватском берегу Савы, а с другой стороны открыть дорогу для партизанских отрядов и частей Красной Армии...

– Хм, это очень интересное предложение, – сказал до того молчавший командир сербо-черногорского спецназа Пеко Дапчевич, – но кто даст гарантию, что это не хитрая ловушка, придуманная германскими генералами?

Георгий пояснил:

– Брат генерала Милана, Милутин Недич, предлагает себя в заложники, чтобы вы поверили в искренность намерений главы нынешнего сербского правительства. Кроме того, в вашем распоряжении будет и моя голова. Десятки, а может, и сотни тысяч жизней сербов зависят от того, что вы сейчас решите...

– Нам надо подумать, – решительно сказал полковник Мальцев; лицо его стало суровым, меж бровей залегла складка. – Да, и перепроверить кое-какие сведения. Потребуется на это буквально пара дней, а вы Георгий, все это время будете гостем нашей миссии. Поймите, с бухты-барухты такие дела не решаются.

– Но если все подтвердится, то могу обещать, что мы ответим на ваше предложение самым решительным согласием, – сказал генерал Бирюзов. – Не правда ли, товарищ Благое Нешкович?

– Правда-правда, – кивнув, подтвердил главный сербский коммунист, – правдивее не бывает.

21 июня 1942 года, 23:05. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

В канун годовщины начала Великой Отечественной Войны конфигурация линии фронта в мире Врат скорее соответствовала обобщенному сорок четвертому году нашей реальности. На севере у немцев – белорусско-балтийский балкон, пусть и не такой обширный, как в нашей реальности, потому что фронт проходит через Борисов, а не через Витебск-Оршу-Могилев. Там остатки групп армий «Центр» и «Север» намертво вцепились в последние остающиеся под их контролем куски советской земли. Западный фронт там недавно стал Первым Белорусским, Брянский – вторым Белорусским, а Северо-Западный – Прибалтийским. Операция по окончательному освобождению советской земли была запланирована на середину лета, а пока в глубоком тылу из техники, поступившей через Врата, а также танков и штурмовых САУ собственного производства создавались три новых мощных подвижных соединения. Взаимодействуя со «старыми» подвижными группами генералов Лизюкова и Катюкова, действующими в полосе Первого Украинского фронта, эти три мехкорпуса «нового строя» должны были смять и изрубить на куски германскую группировку в Прибалтике и Белоруссии, сбросив получившийся фарш в выгребную яму истории.

Южнее, вынырнув из непролазных Полесских болот, где условный рубеж соприкосновения советских и германских войск обозначен пунктиром, Юго-Западный фронт с небольшими отклонениями проходит по госгранице СССР образца сорок первого года до города Дрогобыча, далее – на юг, до румынской границы, совпадая с главным карпатским хребтом. Немного подумав, советский вождь решил, что Юго-Западный фронт – слишком жирная и длинная колбаса, и поэтому его следует поделить пополам. Первый Украинский фронт под командованием товарища Жукова, действующий в полосе от Полесских болот до Перемышля, будет нацелен против германской группы армий «Северная Украина», вытесненной последним наступлением Красной Армии в южную Польшу. Второй Украинский фронт под командованием... ну, пожалуй, товарища Ватутина, действующий в полосе от Перемышля до румынской границы, предназначен для противостояния окопавшимся на Карпатских перевалах венгерским войскам. Каждому командующему – своя задача, а иначе товарищ Жуков будет вынужден гнаться сразу за двумя зайцами. А это – не самая удачная идея, и не только в военном деле.

А в тылах у этих двух «украинских» фронтов идет еще одна, отдельная война специального назначения. Там дивизии НКВД со всей пролетарской решимостью и с использованием технических достижений двадцать первого века истребляют бандитствующие формирования ОУН УПА и УНА УНСО, попутно ликвидируя социальную базу украинских националистов. Эшелоны, подвозящие действующим частям маршевые пополнения и боеприпасы, в обратный путь отправляются не порожняком, а битком набитые спецпереселенцами. Маленьких детей, еще не осознающих себя на этом свете, раскидают по детдомам, а остальных расселят по разным Тьмутараканям, где они до конца жизни будут пребывать под гласным надзором органов рабоче-крестьянской милиции. Насмотревшись на то, что прямые потомки и идейные последователи этих людей творят по ту сторону Врат, Сталин поставил целью в корне изжить в своем

мире украинский национализм как явление. А если кто-то будет против, то товарищ Берия в Москве на Лубянке и товарищ Мехлис в Киеве быстро разъяснят заблудшим, как глубоко они ошибаются.

Далее, покинув территорию Украины, фронт, уже имеющий наименование «Румынский», огибает Трансильванский выступ, почти совпадающий с румыно-венгерской границей шестнадцатого года. А дело тут в том, что регент Венгрии Хорти приказал своей армии оккупировать румынскую часть Трансильвании и занять оборону по карпатским перевалам, едва стало известно о разгроме румынской армии, гибели Антонеску и короля, а также о капитуляции румынского государства. С учетом потерь, уже понесенных венграми в войне против Советского Союза, это решение означало, что семисоттысячная армия (максимум мобилизационного напряжения для такой маленькой страны) будет вынуждена вытянуться в нитку вдоль тысячекилометровой линии соприкосновения враждующих войск (полтора погонных метра на одного солдата или офицера). Ужасный авангардизм – особенно в свете того, что противостоять венгерскому гонведу будут не только остатки разгромленной и перешедшей на сторону победителя румынской армии, но и несколько миллионов красноармейцев, составляющих войска Второго Украинского и Румынского фронтов. Но и это для Хорти еще полбеда: на узких и удобных для обороны горных перевалах драться можно и против многократно превосходящего противника. Настоящая беда для венгерского государства заключается в другом.

Сталин понимал, что теперь, сейчас, когда фронт с востока на запад вытянулся до самых Балкан и Красная Армия готовится вступить в Грецию и Югославию, сопротивление венгерского государства, неразумно вступившего в войну на стороне гитлеровской Германии, надо сломить любой ценой. Хортистская Венгрия – это предпоследний союзник Третьего рейха (последним будет фашистская Италия), и ее выход из войны выбьет еще одну подпорку из-под людоедского гитлеровского режима. Кроме того, территория Венгрии остро необходима Красной Армии для снабжения войск, проводящих наступательные операции в северной части Балкан и атакующих Третий Рейх со стороны его мягкого южного подбрюшья.

Или, если сказать точнее, цена краха режима адмирала Хорти должна быть любой именно для Венгрии, а Красной Армии необходимо строить свои планы исходя из принципа наименьших потерь. Поэтому советских генералов, которые рисуют на картах прямые стрелы, с трех сторон пронзающие венгерские оборонительные рубежи в Карпатах, сразу берут на заметку как несоответствующих занимаемой должности. Помимо всего прочего, такой тактический прием неизбежно приведет к тому, что большей части венгерской армии придется отступить в свою столицу, за которую развернется ожесточенное и кровопролитное сражение. После такого о принципе наименьших потерь можно будет забыть и больше не вспоминать.

Но ведь, кроме линии соприкосновения советских и венгерских войск, проходящей по карпатским перевалам, есть еще Балканский фронт, ныне совпадающий с сербско-болгарской границей сорок первого года. С одной стороны этой линии находятся одна болгарская армия, две советских, а также две российско-советских подвижных группы, а с другой – три потрепанных «оккупационных» дивизии вермахта, в тылу у которых действуют двести пятьдесят тысяч бойцов народно-освободительных партизанских отрядов. Правда, на фланге предполагаемого поля сражения (Черногория, Албания, Далмация) зависла итальянская оккупационная группировка неопределенной численности, но не так давно стало понятно, что итальянцы, не принимая боя с руссо-советско, по возможности быстро сматывают удочки и убывают к себе на Апеннинский полуостров. Какие бы истерики ни закатывал Гитлер, Муссолини не только не добавил итальянских войск на восточном фронте, но и постарался убрать оттуда те дивизии, которые могли войти в соприкосновение с войсками Красной Армии. Он обеспокоен, проще говоря, напуган, стремительной активизацией гарибальдийских партизан, которым с больших белых самолетов регулярно сбрасывают на парашютах все необходимое.

План операции «Зенит» (прорыв в Венгрию через Сербию) генерал Василевский основывал на том постулате, что наступающая Красная Армия не задержится в Белграде и окрестностях, связанная ожесточенным сражением за крупный город, а сумеет с ходу форсировать Дунай и ворваться в восточную часть Воеводины, иначе именуемую автономной областью Банат. Эта территория за краем великого оборонительного рубежа венгерской армии по карпатским перевалам, формально входящая в состав марионеточного сербского государства, на самом деле является германской колонией, административно контролируемой напрямую оккупационной администрацией. Непосредственно управляет Банатом вице-губернатор Йозеф Лапп, молодой (33 года) дунайский шваб, лейтенант запаса бывшей югославской королевской армии. И до некоторых пор дела у него шли хорошо. Почти все местные евреи были вывезены в концлагеря или истреблены на месте, сербы находились на положении полурабов, а фольксдойчи занимали положение господствующей в обществе страты.

И как раз в тот момент, когда жизнь местным банатским немцам казалась прекрасной, все хорошее для них неожиданно закончилось, и по их душам уже целых два раза прозвонил колокол. Первый раз случился, когда на просторах среднерусской равнины открылись Врата, ну а второй удар прозвучал совсем недавно, когда российско-советское подвижное соединение в сражении под Пиротом до последнего человека уничтожило дивизию СС «Принц Ойген», по большей части набранную как раз из уроженцев этого края. Это были молодые люди цветущих возрастов, лучшие из лучших, кого только могла выставить эта колония на защиту интересов арийской расы. После того как они ушли воевать, в охранных частях самообороны края остались только зеленые юнцы и седые старики, свои кресты и медали заработавшие еще на прошлой Великой войне, когда они сражались под знаменами императора Франца-Иосифа.

У немецкой оккупационной администрации отдельных сил для обороны банатского края тоже не имеется. Основные резервы германское командование держит в Генерал-Губернаторстве (Польша), и предназначены они для отражения возможного генерального наступления русских на Берлин, поэтому территории на Балканах должны обходиться местными ресурсами. Растрепанные и почти неуправляемые 714-я и 718-я пехотные дивизии, под непрерывными ударами партизан отходящие от границы с Македонией к рубежу реки Савы, тоже не имеют возможности выделить из своего состава контингент сил для обороны Баната. И уж тем более смешно говорить о том, что защищать банатских немцев будет сербская государственная стража. Ни возможностей, ни, самое главное, желания для такой эскапады у нее нет. Поэтому прорыв в Банат 3-й ударной армии генерала Берзарина будет иметь для венгерского государства самые тяжелые последствия, особенно если его совместить с началом наступления с территории Румынии и Болгарии вдоль обоих берегов Дуная при поддержке Дунайской военной флотилии 2-й ударной армии генерала Горбатова и 4-й ударной Армии генерала Федюнинского...

И тогда регенту Миклошу Хорти придется либо бросать карты, либо готовиться к неизбежному разгрому, ибо его армия до последнего человека размазана по карпатскому рубежу, и резервов в глубине обороны (в том числе и в столице) у нее попросту нет. Не стоит венграм надеяться и на германскую помощь, потому что к тому времени, когда немецкие дивизии погрузятся в эшелоны и отправятся на помощь погибающему союзнику, на балтийско-белорусском театре военных действий начнется стратегическая наступательная операция «Полярное сияние» – советское командование планирует задействовать в ней сразу четыре фронта и Балтийский флот. Как уже было замечено, благодаря помощи потомков Советский Союз теперь имеет возможность проводить две стратегических наступательных операции одновременно на противоположных друг другу флангах советско-германского фронта.

В ходе этого стратегического наступления Первый Украинский фронт генерала Жукова нанесет удар с юга, вдоль реки Сан, на Брест-Гродно, тем самым перерезая основные магистрали снабжения группы армий «Центр». Прибалтийский фронт генерала Говорова будет

наступать от Риги на Вильнюс-Каунас. При этом Белорусские фронты генералов Лукина и Потапова нажмут с запада, сгоня серую германскую биомассу в тесный кошелёк Минского котла. В таких условиях Гальдеру и Йодлю будет уже не до спасения погибающего союзника, и все резервы, отправленные в венгерскую зону ответственности, будут развернуты на парирование новой непосредственной угрозы. Свой бы собственный срам на Берлинском направлении прикрыть обеими горстями... В результате Красная Армия сможет окончательно освободить советскую территорию от немецко-фашистских захватчиков, добить и похоронить хортистскую Венгрию, в Польше выйти в непосредственные окрестности Варшавы, а в конце августа или начале сентября в Москве можно будет провести марш попавших в плен немцев, за которыми по улицам проедут поливальные машины.

Как свидетельствуют донесения с фронта, Красная Армия уже далеко не та, что была всего год назад. В частях и соединениях появился кураж, присущий побеждающей армии, и причиной тому стал боевой опыт года войны. В прошлой истории накоплению опыта и появлению куража то и дело мешали перманентные окружения, в которые раз от разу попадали дивизии, армии и целые фронты. Но теперь такого быть не может. Откровенные дураки и предатели-фронтеры из старшего командного состава погибли, сами сдались в плен или были убраны из действующей армии к черту на кулички (генерал Власов был раздавлен как гнида после того, как Мехлис нарыл на него в киевской помойке хорошее ведерко компромата), а те командиры, у которых было просто недостаточно опыта, доучились вместе со своими войсками до среднемирового уровня. Также существенно улучшилось техническое оснащение и вооружение частей и соединений. Часть необходимой техники и оружия закуплена за золото по ту сторону Врат, а часть выпущена советскими заводами по проектам, соответствующим конечному этапу войны. По уверениям российских военных советников, а также добровольцев, воевавших рядах РККА и офицеров экспедиционного корпуса, которые иногда бывали в этом кабинете, нынешняя Красная Армия примерно соответствует не сорок второму, а сорок третьему или сорок четвертому году той истории...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.